

РОМАН МЕРЦ

РЕЛИКВИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

АРХИТЕКТУРА
СЛЕПОТЫ

Роман Мерц

Архитектура Слепоты

<https://litres.ru/74612719>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если привычный мир — лишь тонкая завеса, за которой скрывается древний замысел?

«Архитектура слепоты» — первая книга трилогии «Реликвия», мистическая фантастика о тайнах человеческого сознания, устройстве реальности и цене истины.

В центре истории — древний артефакт, способный изменить ход истории и саму природу мира. Его тайна ведёт героев сквозь века, раскрывая силы, управляющие судьбами людей, и механизмы, формирующие привычную картину реальности.

Кто создал этот замысел? Какие секреты хранит прошлое? И что ждёт человечество, когда завеса иллюзий рассеется, а истина предстанет во всей своей величии?

Каждый шаг приближает героев к разгадке, где свет встречается с тьмой, а цена прозрения измеряется человеческими судьбами.

Иногда один шаг к истине меняет всё. Всю реальность.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Память живого корня	21
Глава 3	36
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	73
Глава 7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Роман Мерц

Архитектура Слепоты

Реликвия

Книга 1: Архитектура слепоты

Глава 1

Эхо Чужого Пульса

Темнота. Жар. Потом — воздух. Выдох. Резкий, как удар.

Первыми отозвались стопы — фантомное покалывание, резкий рывок веса. Тело собралось обратно в себя. Имя. Оракул. Иштар. Память выстраивалась в очередь, как положено по протоколу выхода из транса — сначала базовые координаты личности, потом всё остальное.

— Статус.

Горло — как наждак. Во рту ещё таял густой, вязущий привкус доринийского мёда — шлейф фиксатора, который «Проксима» мягко впрыскивала в мои капилляры перед каждым прыжком, чтобы уберечь нервную систему от разрыва. Живой корабль выходил из складки пространства вместе со мной: я чувствовал, как по его органическим палубам прокатывается волна облегчения, а биофильтры бережно вымывают из моего сознания остатки межзвёздного анабиоза, возвращая рецепторам природную остроту.

Встал — слишком быстро. Виски сдавило. Ладонь легла на переборку — та откликнулась теплом, живым, почти мышечным. «Проксима» выравнивала мой пульс через свой — давление за ухом, мягкое, настойчивое. Мне двадцать четыре. Три часа молчания Совета клана. Вейн напоследок: провалишься — твоё имя забудут первым. Старейшина Вейн.

Голос — как гравий под подошвой. Единственный человек, который умудряется делать из напутствия некролог.

В грузовом отсеке воздух стал вязким. Хроно-термический бокс стоял точно в центре палубы. Этот тяжёлый куб из матовой костяной плазмы Клан использовал для температурной фиксации высших живых артефактов. Его внутренний статический контур полностью блокировал частоту груза, удерживая «Реликвию» в состоянии анабиоза, чтобы обезопасить навигационные системы «Проксимы» во время прыжка. Я положил ладонь на холодную крышку, передавая материалу личный температурный ключ. Сплав мгновенно опознал мою частоту — внутреннее молекулярное натяжение куба ослабло, и артефакт внутри проснулся.

Резонансом — давило на переборки изнутри. «Проксима» молчала. Точнее — перехватывала запрос. Вместо чистого, глубокого резонанса артефакта в нервную систему ударило холодное, статичное давление её контура.

Она блокировала связь — чистый рефлекс, исключая расчёт. «Реликвия» выходила за пределы того, что её сенсоры умели читать: скрывая органику, механику и все известные частоты. Для существа, рождённого классифицировать любой контакт с реальностью, это было слепое пятно. А слепое пятно такой величины — угроза по умолчанию.

Челюсть свело.

— Эй, — сказал я тише. — Оно рядом уже давно. Оно — своё.

Давление за ухом держалось. Только чуть смягчилось — на грани, едва уловимо. «Проксима» услышала. Поверить — другое дело.

Яшёл в рубку корабля. Укол в основание шеи — и тело уже знало. Три плотности. Лишённые звука, лишённые запаха, лишённые образа — просто появились там, где секунду назад было пусто. Пространство изменило вес и значение.

Сканер подтвердил последним: три точки вышли из тени астероидного поля, перекрывая траекторию торможения. Интервалы выверены — случайные суда идут иначе. Маскировка держала их чистыми: вместо сигнатур — абсолютная пустота, слепые пятна там, где должны быть масса и класс. Против приборов она работала. Тело фиксировало их присутствие безошибочно.

Я лёг в кресло, отдал «Проксиме» периферию — руки, плечи, периметр. Плотное слияние, доля секунды — и приняла. Корабль и тело замкнулись в одно. Три борта — удушьющее давление на кожу: слева, справа, сзади. Профессиональный захват цели. Вейн учил: чужая система — петля. Найди конец нити.

Я потянулся к ближайшей плотности — мягко, сохраняя целостность контура, касание. Маскировка держалась на трёх узлах синхронизации: жёсткая схема, рассчитанная выдержать прямой перехват. Нашёл первый узел, подержал рядом — палец у чужого пульса. Нить потянулась.

Сквозь аномальную пустоту пробился зашифрованный

пакет. Закрытый маркер Сияющих. Я коснулся структуры — и тело ответило раньше разума: тепло у основания горла, знакомая плотность воздуха, тот самый привкус, который помнят лёгкие с детства. Оракул. Координаты моего прыжка слили изнутри Клана. Приказ на перехват шёл через Иштар. чужой код, вшитый в систему планеты ещё до официального входа в атмосферу. Меня вели с двух сторон, сторонними руками.

Три плотности держали периметр. Кто — скрыто от понимания. Присутствие, лишённое лица, сигнатуры, намерения, которое поддаётся прочтению. Только факт: они здесь. Они ждали. И пакет координат, который пробился сквозь чужой контур, объяснил одно — ждали именно меня.

Я сжал тепловую сигнатуру «Проксимы» в плотный сгусток и сбросил её на пятьдесят метров в сторону. В ту же долю секунды — вираж по нисходящей спирали, вниз, к атмосфере. Три плотности сместились следом — и на мгновение потеряли нить. Этого хватило. Мы оторвались.

«Проксима» сбросила маскировку — резкая смена давления в ушах, потом тишина. Регламент входа. Требуя опознавания, Иштар оставался закрытым, и она знала это без моей команды. Ворчала низко, на частоте ниже слуха — только ощущением в зубах. И я её понимал.

Они отступили. Три плотности остались на орбите, зафиксированные автоматическими турелями внешнего контура планеты. Вход в атмосферную зону Иштара без санкции

Сияющих означал для них мгновенную ликвидацию силами планетарной обороны. Они предпочли сохранить маскировку и свернули преследование. Меня это устраивало. Задание ждало внизу.

Затылок кольнуло. Тысячи сканирующих систем Иштар прошли сквозь корпус. Вместо взгляда — таможенный осмотр. Объект. Координаты. Классифицировать. Я потянулся навстречу — и остановился. Их защитная сеть была красивой. В архитектурном смысле — строго архитектурном. Слои концентрическими кольцами, каждый следующий холоднее и плотнее. Швы отсутствовали. Точки входа — замурованы. Они строили кристалл — монолитную структуру, где каждый узел держит все остальные. Совершенная система. Мёртвая, как инструкция по эксплуатации.

Внутри — в самом ядре, за восьмислойным цифровым контуром — мёртвый ноль. Пустота другого рода, плотная. Место без жизни внутри, в своей совершенной форме.

Ещё глубже — едва различимо — тепло. Замурованное. Почти лишённое пульса. Чужое — и при этом узнаваемое на каком-то уровне, куда разум ещё добирался следом. Тело знало это тепло. Откуда — вопрос, который я убрал в сторону. Сейчас — другое.

Грудь сжало. Кто-то там был. Внутри восьми слоёв кристального протокола — живой. Ещё живой. Что-то отпустило в груди — быстро, почти незаметно. Давление сменилось теплом на долю секунды. Хорошо. Стоило.

Входящий сигнал. На другом конце — оператор. Холодный, выверенный. За слоями регламента — любопытство, почти угасшее.

— Борт «Проксима». Клан Расплетающих. Запрашиваю посадку.

Одна секунда. Две. Три. Тянет. Регламент трещит — держит строй.

— Расплетающие. Сбой в канале. — Полсекунды помех. — Ваш визит был запланирован?

Восемь слоёв защиты — и всё равно дрогнул на слове «Расплетающие». Система совершенная. Люди внутри — другое дело. Как обычно. Я выдержал паузу на секунду дольше положенного.

— Лучшие визиты планируются прямо перед прибытием.

— Ожидайте подтверждения.

Тишина. Три плотности висели на орбите. Далеко. Ждали. Я их чувствовал. Виски сдавило — «Проксима» держала напряжение через меня.

Подтверждение пришло через семь минут. Посадочный вектор — северный коридор. Стандартный. Дали нам самый длинный маршрут из возможных. Разумеется. Гостеприимство Сияющих — это отдельная дисциплина, и они в ней как и всегда совершенны.

«Проксима» вошла в атмосферу — и сразу напряглась. Воздух плотный, почти кристаллический. Корабль с Дорины рождён для другого — органического, переменного, тёпло-

го. Иштар давил равномерно и безлично, как пресс. «Проксима» выравнивала обшивку непрерывно — мелкая дрожь в ладонях, без остановки. Ворчала. Терпела. Корабли с Дорины умеют терпеть — и всегда дают это почувствовать.

За мембраной обзора — поверхность. «Проксима» транслировала напрямую: вместо картинки — ощущение пространства, продавленное сквозь живую ткань корабля. Как смотреть чужими глазами.

Порядок абсолютный. Каждая линия — расчёт. Монолитные структуры уходили вглубь правильными гранями, отражая свет, полностью сохраняя его изначальный спектр. Идеальный мир. Идеальный — и мёртвый до последней грани. В грузовом отсеке хроно-термический бокс работал стабильно, удерживая внутреннюю частоту груза в абсолютной статике.

Я перевёл зрение в рабочий режим — пока «Проксима» держала вектор снижения. Годы тренировок дают одно: видеть структуру за поверхностью. Вместо дара — навык, выточенный так глубоко, что срабатывает быстрее мысли. Сквозь зеркальные грани городов проступают силовые линии — каркас, на котором держится вся эта симметрия.

Архитектура Сияющих — застывшая схема. Идеальная. Мёртвая. Каждый шпиль — фиксация. Форма, которая когда-то менялась, дышала, теперь сжата в мёртвый камень. Остановили реальность, чтобы реальность их оставила в покое.

Ищу швы. Профессиональная привычка. Выучка — озарение тут ни при чём. Расплетающего учат смотреть на любую систему как на код: места стыковки, точки, где идеальное держится на компромиссе.

У Сияющих такие швы есть — обязаны быть. Абсолютная симметрия — иллюзия. Реальность — хорошо скрытая асимметрия.

Нахожу первый шов. Задерживаюсь — палец на трещине в стекле, проверяя, насколько глубока. Внутри что-то срывается. Вместо видения — память тела. Реакция нервной системы, откалиброванной кланом так туго, что любой резкий контакт с чужой структурой запускает откат.

Боевая медитация. Та же, что всегда. Обновление данных, подготовка к высадке.

Золотой песок Оракула. Граница — место, где ткань пространства истончается до предела, где то, что снаружи, и то, что внутри, теряют разделение. Небо здесь другого цвета, чем снаружи: несколько цветов сразу, наложенных друг на друга, как слои на разрезе. Вначале я считал это красивым. Позже понял: это и есть то, для чего нас здесь обучали. Граница показывала, как выглядит реальность без множества слоёв. Живая геометрия.

Фигуры по кругу. Высшие маги клана — двенадцать, по числу Домов. Тогда — просто фигуры. Каждый из них держал своим вниманием один звёздный Дом — именно держал, как держат натянутую нить, чувствуя её состояние

сквозь пальцы. Их задачей в ту ночь было передать мне это умение через касание: знать систему изнутри её собственного натяжения. Техника глубокого погружения, методика третьего уровня. Мне объяснили только это — остальное считалось лишним для исполнителя воли Клана. Песок под ногами держал тепло, хотя над Границей солнца — свет шёл без тени, без источника, просто ровное золотое давление сверху и снизу одновременно.

Касания к затылку, груди, запястьям. Один из наставников — крайний слева, тот, что всегда молчал — держал руку у моего запястья дольше других. Вне ритма протокола. Просто держал. Время остановилось, и я перешёл. В другое многомерное пространство. Собрался заново изнутри. Все мерности стали единым полем осознания.

И ещё одно: в последнюю ночь на Оракуле кто-то из круга — или снаружи его — произнёс моё имя иначе. Без звука. Изнутри, как будто оно было там раньше, чем я его получил. Я тогда списал это на истощение и отвары целителей. Во рту остался привкус дикого мёда. Откуда — загадка.

Каждая боевая медитация — новый уровень считывания, развёртки. Тысяча часов на то, чтобы тело перестало бояться чужих систем и начало их читать, разбирать, узнавать.

Открываю глаза.

Швы Иштара — чётче. Дело в частоте, с которой смотрю: поверхность отходит, остаётся суть — ядро вещи, голое, без оболочки формы.

Биорезонатор на предплечье отозвался первым — раньше остальных сигнатур тела и встроенных контуров. Горит. Сигнал о перегрузке до того, как сработает основной контур.

«Проксима» выравнивается подо мной — корпус и нервы снова в одном контуре.

— Посадка, — говорю я. Голос ровный. Без интонации.

Посадочная площадка проступает внизу — идеальный круг выровненной до идеала поверхности, вписанный в город без единого шва на стыке. «Проксима» снижается по спирали, обшивка гудит на новой частоте — корабль ищет точку контакта, которая сохранит его собственную ткань.

Она боялась касаться этой поверхности. Я чувствовал это через контур — давление в ладонях, сдавленное, почти брезгливое. Потянулся туда, где она держала напряжение — присутствием, молча. Приняла. Дрожь унялась. Проходим через силовое поле входного шлюза.

Удар. Мягкий, погашенный амортизирующим слоем. Сели. Тишина внутри корпуса прибытия. Снаружи — десятки систем наблюдения фиксируют каждую секунду нашего прибытия, давление со всех сторон сразу, ровное, без пауз.

Отключаю контур с «Проксимой» — медленно, слой за слоем. Тело возвращает себе границы. На секунду — головокращение, корабль отпустил баланс.

Встаю. Иду в грузовой отсек.

Контейнер для переноски — закреплён у переборки, готов заранее: тактическая система фиксации — рабочая, со-

бранная строго под задачу. Переложил «Реликвию» из хро-но-термического бокса в тактический контейнер вручную, размеренно, контролируя каждое микронное смещение массы. Крышка закрылась с глухим щелчком, плотным, как за-твор. Закрепил систему на спине.

Иду к выходу. Выдох. Плечи вниз. С каждым шагом — давление снаружи нарастает, будто планета уже ощупывает корабль через металл и органику, выясняя, что внутри. От-крываю шлюз корабля.

Воздух Иштара входит первым — сухой, минеральный привкус на языке, как будто облизал металл. Дышать им можно. Жить им — только Сияющим.

На площадке — встречающие. Трое. Совершенные атлан-ты в кристаллических телах, являющие собой идеал пропор-ций в собственном понимании. Их покровы сотканы из по-лупроводникового жидкого кварца, поглощающего свет пол-ностью. Блики, тени и тепловый пульс контура на этой поверхности отсутствуют. Оптический монолит.

Один шагает вперёд.

— Расплетающий, — голос шёл импульсом, минуя воз-дух. Прямой, холодный, чёткий. — Дом Сияющих ожидал вашего прибытия дольше, чем вы думаете.

Считаваю слово «дольше» как факт.

— Значит, мы оба знаем больше, чем сказано вслух, — отвечаю я.

Сияющий напротив застывает на долю секунды. Сбой в

идеальной симметрии лица — едва уловимый, но я его вижу. Первая трещина.

Он кивнул — резко, с механической точностью, без перехода между фазами движения.

— Проходите, Расплетающий, — импульс суше прежнего. — Хранители памяти готовы к диалогу.

Шагнул вглубь шлюза. «Проксима» осталась позади. Глухой гул в висках — держала контур напряжённо. Визит без неё в досягаемости тревожил её. Ничего, переживёт. Она всегда переживает.

Иштар изнутри — архитектура, полностью исключая случайные углы. Стены меняли цвет в ритме шагов. Свет шёл из самих стен, ровными импульсами, будто планета держит дыхание под контролем. Шёл расслабленно. Расплетающий обязан быть предсказуемым. Роль простая: пришёл закрыть сделку, ушёл.

За поворотом пространство развернулось в зал. Сектор Представительств. Двенадцать колонн матового кристалла. Двенадцать точек концентрации Домов. Архив, где каждый Дом хранит осколок своей истины.

Биорезонатор среагировал раньше, чем я успел осмотреться. Что-то другое — тревогой язык это назвать отказывался. Тихий, почти неразличимый сдвиг температуры под кожей, как будто предплечье вошло в поле, которое его узнало. Сбой контура — наводка от кристаллических систем зала. Я отметил это как данные. Убрал в сторону. Продолжил

идти. Остановился.

Рядом с одной из колонн стояла женщина. Она шагнула навстречу. Отличалась сразу — асимметрией движений. Инерция вместо расчёта. Тёмные волосы лежали неровно на ключицах — живая ткань, а вместо отполированной поверхности проступала текстура. Кожа держала тепло — я видел это на расстоянии, по лёгкому касанию контура, как видят разницу между живым и нарисованным огнём. Глаза тёмные, с золотым отливом на радужке.

Я смотрел на неё дольше, чем требовалось для оценки угрозы. Заметил это сам — и разозлился. Профессиональная привычка: три секунды на распознавание, потом — план действий. Сейчас распознавание затянулось на восемь.

— Ты прилетел на «Проксиме», — голос настоящий, с дыханием внутри звука. — Клан прислал того, кто умеет нарушать порядок.

Затылок кольнуло — то же ощущение, что от защитной сети Иштара. Только источник теперь — она. Сигнал шёл от чего-то другого, и это «другое» оставалось без названия в регламентах Клана. Так. Стоп. Кто это.

— Лира, — бросила она, опередив вопрос. — Раз уж тебе нужно как-то меня называть. Старейшина Вейн прислал Хранителя, — она склонила голову на пару градусов, изучая меня с той же дотошностью, с какой я изучал её. — Самоуверенно. Ты явился в Дом Сияющих, таща за лопатками высшую ценность своего Клана.

Я замолчал, закрывая периметр безопасности. Лишние слова на чужой территории — это всегда уязвимость.

Она сделала шаг. Поле вокруг неё сдвинулось — смена давления на коже, будто рядом открылась дверь в тёплое помещение. Расстояние между нами сократилось до предельно малого. Лира подошла вплотную, и её пальцы коснулись предплечья — точно туда, где горел биорезонатор.

— Ваше излюбленное слово «Реликвия» означает лишь то, что вы стремитесь вечно прятать и оберегать эту силу, — её голос лёг на кожу теплее, чем должен был. Она говорила у самого лица, сводя дистанцию к нулю: — Вы поклоняетесь ей как святыне, Эйрен. Но суть иная: перед тобой Семя. Ему нужно движение, рост, а твой Клан лишь удерживает его в замкнутом круге.

Я отметил её голос как аномалию. Аномалии полагается фиксировать. Разглядывать — лишнее. Однако дыхание всё же сбилось на долю секунды раньше, чем я успел это заметить и разозлиться на себя во второй раз. Жжение под кожей дёрнулось — резко, без предупреждения, опережая любую мысль.

Одновременно — сдвиг за спиной. Контейнер, который держал ровный вес все последние минуты, мгновенно потяжелел — через лямки, через позвоночник, будто кто-то без предупреждения добавил груз. Артефакт сменил плотность. Смещение массы — прямое, моментальное, без пульсации. Задержка между её касанием и откликом отсутствовала.

«Реликвия» резче, чем когда-либо, реагировала на меня. Я носил этот груз неделями — она знала частоту моего тела наизусть. То, что произошло сейчас, превышало любой наш с ней обычный контакт.

Она стояла рядом — и одновременно была частью кода, на который Семя — да пускай будет Семя — реагировало как на ключ. Пальцы оставались на предплечье на полсекунды дольше, чем требовал жест. Я это заметил. Она знала, что я заметил.

— Твой интерес опасен, — мой голос вышел ровнее, чем чувствовал себя я. Вблизи считывалось больше, чем на любом сканере: она была живым швом в кристаллической системе. Тёплым на расстоянии ладони.

— Безопасность осталась за пределами этого сектора, — она убрала руку — медленно, плавно. — Время исходит, Эйрен. Двенадцать Домов выбрали путь распада, их финал предreshён. Впереди — твой собственный выбор.

Пока она говорила — давление воздуха вокруг неё менялось. Едва уловимо, на грани регистрируемого. Как будто она занимала чуть больше пространства, чем позволяло тело. Я держал это на краю внимания — данные без вывода.

Она отступила на шаг — и в этом отступлении было что-то почти сожалеющее, выбивающееся из холодной логики предупреждения.

— Мы ещё встретимся, Расплетающий, — сказала она тише. — Я вижу это так же ясно, как ты видишь швы в этих

стенах.

Шагнула за колонну и исчезла раньше, чем я осознал её слова. Я остался один среди Двенадцати Домов. Пульс вернулся к рабочей норме с опозданием — лишние десять секунд сверх нормы.

Семя за спиной молчало. Слушало.

Глава 2

Память живого корня

Мелисса пахнет медью, если сорвать её за секунду до перехода кристаллического купола Иштара в ночной режим. Нож ходил мягко, с ровным, ленивым стуком о доску из прессованного мха. Скрежет металла о металл всегда вызывал внутреннее отторжение, поэтому я выбирала живое дерево. Запах мелиссы под лезвием усилился — медный, терпкий, сохранивший глубокий шлейф сырой земли. В Живых Лесах нас учили: клинок обязан стать продолжением ладони. Мой инструмент обладал особым свойством. Касание рукояти — и материал едва заметно вибрировал, принимая ритм моего сдвоенного пульса, меняя плотность лезвия под сопротивление растительных волокон. Идеальная геометрия. Наставники одобрили бы эту точность, хотя моё умение направлять резонанс предназначалось для объектов куда более хрупких, чем пряные стебли.

Резонансный отвар на плите наливался силой. Бульон из сушёных корней плачущего дерева выходил густым, янтарным, источая плотный аромат лесной почвы и тепла.

Эта каузальная кулинария оставалась единственным способом вернуть баланс, когда ментальный шум Иштара слиш-

ком сильно давил на фильтры восприятия. Повару требовалось просто напомнить высушенным растениям их изначальную частоту, сонаправить их память с текущим моментом.

Бросила зелень в кастрюлю. Пар поднялся плотным облаком, на секунду размыв контуры камбуза, точно зеркальные стены Сектора Представительств в мареве отражений. Живой союзник за ухом мягко пошевелился, впитывая влажное тепло и затихая после удушливой стерильности залов Сияющих.

Первый ход сделан. Дальше очередь Эйрена. Прикрыла глаза. Многомерная память, идеальная для удержания сложных ментальных карт, разворачивала события с абсолютной, осязаемой чёткостью. Сцена у колонны прокрутилась в голове в сотый раз, оживая в полном объёме, со всеми оттенками вкусов и ложных частот.

Я стояла у матовой колонны, одной из двенадцати, державших свод Сектора Представительств, — и ждала. Чем-то более древним, чем зрение, уловила его приближение задолго до появления в зале: лёгкое смещение в плотности воздуха, узнаваемую частоту, скользившую впереди тела, словно предвестник тектонического сдвига. Когда он вошёл, направляясь к Хранителям Памяти, я шагнула навстречу. Отстранённый, тотально сфокусированный, чистый. Эйрен. Мужчины его Клана смотрят на реальность сквозь призму обнажённого кода, готового к взлому, и эта ментальная бро-

ня сидела на нём безупречно. Его нервная система звенела проводимостью колоссальных потоков, пульс синхронизировался с живым контуром корабля, а взгляд разбирал меня на атомы. Но стоило мне коснуться его предплечья — прямо там, где под тактическим ремнём горел биорезонатор, — как Шелест, мой крошечный доринийский союзник, вплетённый в нервные узлы за ушной раковиной, отозвался глубоким, бархатным урчанием.

Живое существо, делившее со мной одну кровеносную систему, завибрировало и пустило по шее волну густого, согревающего тепла. Мой Шелест узнал в симбионте Эйрена родную кровь Дорины. Это был сакральный отклик, подтверждение связи, доброе касание друга.

Сквозь поверхностные ментальные щиты легко считывалось его глубинное, затаённое раздражение на старейшину Вейна — этот маркер шёл привычным фоном. Однако Шелест уловил нечто принципиально иное, скрытое за профессиональной бронёй Расплетающего.

Семя. Высший живой артефакт, покоившийся в его наспинном тактическом контейнере, отозвался на моё прикосновение мгновенно. Сквозь датчик биорезонатора и плотную ткань ремней хлынул чистый, многомерный поток — подлинный свет Творца, вернувший мне физическое ощущение родного дома. В ту же долю секунды масса за плечами Эйрена перестроилась. Семя изменило свою каузальную плотность, потяжелев и перераспределив весовую нагрузку

напрямую через его позвоночник.

Я предпочла смолчать. Тишина — идеальный баланс для долгой игры. Эйрен уверен, что Клан полностью упустил меня из виду, и эта иллюзия полезна. Его вектор движения, который я успела перехватить через касание вместе с образом Вейна, вёл прямым к Хранителям Памяти — эта конечная точка звенела в его разуме плотным, неподатливым намерением. Его маршрут открывал необходимое Ордену тактическое окно. Пусть следует заданному вектору до точки нашего следующего пересечения — её неизбежность я уже ощущала кожей, как близкую грозу.

Дистанция сохранит его уверенность, пока внутренние трещины его привычного мира остаются скрытыми.

— Опять пересолишь, Лира, — раздался хриплый голос со стороны шлюза.

Открыла глаза. Время, растянутое силой воли ради удержания ментального слепка, плавно вернулось в привычный, размеренный ритм. На пороге камбуза стоял Тал — моя главная опора и человек, вернувший мне веру в существование незыблемых вещей. Сбежавший мастер, которого Сияющие заперли в казематах за попытку сопрячь их монолитные маневровые узлы с органическими приводами. Кожа Тала до сих пор сохраняла плотный запах машинного масла и терпкого сока доринийских лиан. Мой Шелест мгновенно отозвался лёгким, приветственным теплом, уловив ответную волну: в левом плече механика угадывался характерный кон-

тур его собственного живого напарника.

— Я обхожусь без соли, Тал, — улыбнулась, и эта улыбка вышла совершенно настоящей, рождённой чистой радостью от запаха хорошей еды. — Соль оставим тем, кто летает на имперских кораблях и полностью позабыл вкус жизни. У нас сегодня резонансный отвар. Садись, тебе нужно набраться сил. Через три часа улетаем с Иштара.

Тал нахмурился, усаживаясь на живой деревянный табурет, который услужливо прогнулся под его весом.

— Куда? Хранители Памяти перекрыли северный сектор.

— Их фильтры работают на верхних уровнях, изолируя посадочный коридор Эйрена, — я сняла кастрюлю с огня. Внутри меня, за барьерами, способными обойти любой имперский сканер, бился чёткий импульс Ордена. — Наш путь лежит глубже, через технические коллекторы под Сектором Представительств. Изнанка их идеального мира, где имперские протоколы бессильны. Заберём ещё двоих, прежде чем Сияющие вспомнят, что такое настоящая война.

Тал молча принял пиалу. Пальцы, огрубевшие от работы с живым металлом, осторожно сжали глину. От отвара шёл густой, сытый пар, и на мгновение лицо механика разгладилось, растеряв вечную настороженность. Запах еды на доринийском корабле — это всегда больше, чем просто еда. Манифест того, что мы всё ещё живы среди этой ледяной зеркальной безупречности.

Он сделал первый глоток, замер на секунду, прислушива-

ясь к ощущениям, потом глухо выдохнул:

— Как у тебя это получается? Из сухих корней и травы... Ты будто вдыхаешь в них жизнь обратно.

Опустилась на табурет напротив, обхватив свою пиалу ладонями. Глина делилась теплом, и это простое, физическое ощущение вдруг показалось пронзительно хрупким.

— У нас в Живых Лесах говорили, что у каждого растения есть своя память, — я смотрела на янтарную поверхность отвара, где плавали мелкие искры Melissa. — Помнят солнце, даже если их высушили и заперли в вакуумный контейнер три года назад. Повару нужно просто напомнить им об этом. Сонаправиться.

Замолчала. Ритм камбуза замедлился — снова неосознанно потянула время, размывая секунды в вязкие, длинные капли. Внутри, за плотными ментальными щитами, дрогнуло что-то. Этот Расплетающий, со своей звенящей от запретных частот нервной системой, разворошил во мне то, что я так тщательно хранила даже от самой себя.

— Лира, — Тал негромко поставил пиалу. — Твой резонанс изменился. Ловлю тяжёлую, рваную частоту, напарник под кожей беспокоится. Что случилось в Секторе Представительств?

Посмотрела на него. У Тала были удивительные глаза — глубокие зелёно-карие, которые на свету будто отдавали текстурой коры или мха. Только опора, настоящая, надёжная, незыблемая, как вековой ствол дерева. Он читал чертежи и

оживлял моторы, обладая сверх этого редким, почти утраченным даром: структурным предвидением. Видел скрытые дефекты, точки излома и усталость материала ещё до появления первой трещины на броне. И в людях — то же самое. Всегда знал, где именно человек готов сломаться.

— Я почувствовала Семя, Тал, — тихо сказала я. — Я коснулась его. Точнее, его Расплетающего.

Закрыла лицо ладонями. Горло сдавило. Весь напускной лоск, вся дерзкая броня ассасина, так легко отскакивающая от имперских чиновников, мгновенно осыпалась пеплом.

— Оно такое... чистое, — из-под ладоней вырвался тихий, прерывистый вздох. — Понимаешь? Там, в тактическом контейнере — живой свет Творца. Чистый, многомерный поток, свободный от боли, бесконечных имперских расчётов и того механического онемения, в которое технократы закатали половину галактики. Почувствовала его — и на секунду показалось, что вернулась домой. В то время, когда деревья ещё пели, а люди хранили свои сердца живыми.

Тёплые слёзы обожгли пальцы. Перед Талом оставалась собой — только собой.

Тал считал это состояние мгновенно. Сделал шаг вокруг стола, протянул огромные, пахнущие маслом руки и рывком прижал к себе. Широкая грудь была тёплой и надёжной, как бронеплита. Уткнулась носом в поношенный комбинезон, и он крепко, по-братски зафиксировал меня в объятиях, давая ту самую физическую опору, которой так давно ждала. Род-

ственная душа, выросшая из того же корня. Просто держал, принимая всю мою боль, мою слабость и эту глупую, чистую надежду, разделяя её без остатка.

— Вернём, — сказал он. Одно слово. Без лишних объяснений, без пустых обещаний, без сомнений. Просто факт, который он уже принял как рабочую задачу.

Сделала глубокий вдох, впитывая его уверенность. Сердцебиение выравнилось. Время снова потекло с нормальной скоростью. Медленно отстранилась, вытирая слёзы тыльной стороной ладони, шмыгнула носом. Взяла пиалу — отвар ещё держал тепло — и выпила до дна, в один долгий глоток. Тепло прошло по горлу вниз, и что-то внутри встало обратно на место. Лицо Тала оставалось серьёзным, в углах глаз таились тёплые лучики.

— Спасибо, Тал.

— К твоим услугам, командир, — едва заметно улыбнулся и вернулся на табурет. В позе появилась деловая собранность. — А теперь к делу. Отвар остывает, северный сектор уже перекрыт. Каков план?

Пододвинула пиалу, посмотрела на Тала уже совершенно другими глазами — глазами лидера, который точно знает, куда вести команду. Вывела на тактический экран стола схему нижних уровней планеты.

— Эйрен здесь, на Иштаре, — я вглядывалась в мерцающие линии. — Ещё до того, как он заметил меня у колонны, я успела поймать его резонанс — он считывал швы их гео-

метрии. Пространство вокруг него уплотнялось, воздух тяжелел, сама реальность будто прогибалась под его шагом. Такую плотность сознания я ловила только у наставников в момент глубокого резонанса. Для меня это выглядело как зов. Как будто Древние вели его.

Тал хмыкнул, взгляд держа в пиале:

— Или просто очень хорошо учили.

На секунду замерла по-настоящему. Эта мысль кольнула острее, чем стоило ожидать — простая, отрезвляющая, в духе Тала: воля Творца за скобками — осталась чужая выучка, доведённая до автоматизма.

На долю секунды обе версии встали рядом — мистика и механика — и я увидела их обе одновременно, как два отражения в зеркальных стенах Сектора. Одинаково возможные. Одинаково недоказуемые.

То, что почувствовала через контакт, выходило за границы обоих объяснений — и я сделала выбор осознанно, соединила вместе. Тёплая ложь иногда нужнее холодной правды, особенно когда правда остаётся за горизонтом доказательств.

— Может, и учили, — согласилась вслух. — В любом случае, официальные посадочные коридоры увели его «Проксиму» прямо туда. Пока Хранители держат фильтры на верхних уровнях и заняты регламентом этой встречи, мы пойдём в обход парадных шлюзов. Спустимся на нижние ярусы, в технические коллекторы под Сектором Представительств.

Туда, куда безгливость Сияющих закрывала вход сотню лет. Изнанка их идеального мира. Швы, на которых держится вся эта геометрия.

Тал одобрительно хмыкнул:

— Силовые линии там тоньше всего. Кто наши цели?

— Нужно забрать двоих. Первый — Вакс, — увеличила масштаб схемы нижнего яруса. — Дезертир из Дома Железных Архитекторов. Знает топографию этих швов как свои пять пальцев. Сияющие заставили его латать микротрещины в гранёной структуре города, держат в кандалах, как дикого зверя. Нужен, чтобы пройти сквозь фильтры Хранителей без шума.

— А кто второй? — Тал допил отвар, взгляд держал на схеме.

— Мира. Из Безмолвных Певцов. Заперли в изоляторе под северным сектором за то, что её частота резонанса вышла за пределы имперского контроля. Слышит то, что Хранители пытаются стереть из хроник. Вытащим её — получим ключ к навигации сквозь архивы Хранителей Памяти.

Поднялась с места, клинок на поясе отозвался короткой, согласной вибрацией.

— Забираем Вакса через сорок минут. Тал, проверь приводы маскировки. Нужно раствориться в воздухе Иштара до того, как Сияющие поймут, что их идеальный план... слегка пересолен.

Маскировочное поле «Мяты» разворачивалось с едва

слышным шуршанием, похожим на шелест сухой травы. Этот компактный шаттл, выращенный из живой органики, идеально подходил для точечных вылазок. «Сирокко» остался на орбите Иштара, наверху, он был слишком большим, слишком заметным для предстоящего дела. Местные радары, настроенные на поиск чистых, выверенных частот, скользили по обшивке шаттла, принимая его за случайное облако пыли или тепловой шум. Шаттл мягко ткнулся в посадочную опору на дне заброшенной вентиляционной шахты.

Мы бесшумно покинули тёплый борт, оставив «Мяту» растворяться в темноте колодца. Тяжёлая подошва Тала первой ступила на решётчатую платформу подъёмника.

Спускались с Талом по техническому лифту из прессованного композита. Здесь, на глубине трёх километров под Сектором Представительств, Империя заканчивалась. Праздничный блеск Сияющих оставался наверху. Стены коллектора покрывала серая накипь отработанных фильтров, воздух держал тяжесть и сырость, а живой союзник под кожей сжимался с каждым шагом. Физическое давление за ухом, предупреждение теплом, полная тишина в эфире.

— Сигнатура Вакса прямо за этим распределительным узлом, — Тал шёл впереди, держа ладонь на рукояти грубого кинжала. Глаза в темноте коллектора отливали глубоким зелёно-каревым оттенком — он видел скрытые дефекты и напряжение в кабелях вокруг нас. — Силовые линии здесь

перетянуты. Железный Архитектор латает швы на пределе возможностей. Уберёт руки от узла — этот сектор Иштара просядет на пару метров.

— Сделаем так, чтобы убрал, — тихо ответила я и потянула клинок на себя.

Металл мягко вышел из пазов, сплавляясь с ладонью и мгновенно выравнивая температуру под тепло моего тела. Гермозатвор впереди поддался с тяжёлым, ржавым скрежетом.

Вакс обнаружился в центре кубического зала, заполненного гудящими трансформаторами гравитации. Выглядел измождённым. Огромный, широкоплечий, с тяжёлыми аугментациями, вживлёнными прямо в подвздошную кость и предплечья. От рук к блокам стен тянулись полупрозрачные силовые нити — буквально удерживал геометрию потолка собственным телом. На шее тускло светился блокиратор Сияющих, гасящий любую попытку ментального бунта.

— Кто здесь?.. — голос звучал хрустом ломающегося камня. Держал голову прямо, фиксируя корпус. Любой сдвиг на миллиметр означал обрушение контура. — Уходите. Скоро здесь будет... чистка.

— Пришли забрать тебя, Архитектор, — сделала шаг вперёд, подстраивая дыхание под частоту его ошейника. Кандалы Империи всегда поют на одной ноте — унылой, монотонной, мёртвой. — Тал, перехвати контур.

Механик уже двигался. Прыгнул вперёд с ловкостью, уди-

вительной для массивного тела. Руки легли на кабели рядом с пальцами Вакса, глаза вспыхнули ярче. Структурное предвидение позволило за долю секунды найти точку баланса — замкнул гравитационный контур планеты на себя через плечо, где жил его напарник.

— Давай, Лира! Секунд десять, от силы! — прорычал Тал, удерживая массу. На лбу выступили крупные капли пота. Напарник в плече взвыл от колоссальной нагрузки.

Вакс хотел ответить — и в эту секунду мир вокруг содрогнулся. Дрожь ударила раньше звука — тонкая, незнакомая, прошедшая сквозь клинок в ладони. Частота чужая, но в ней ощущалось что-то узнаваемое, как запах, который слышишь во второй раз — и первый раз где-то потерял, остался без адреса. Потом вспомнила. Колонна. Предплечье. Эйрен. Где-то наверху он касался шва планеты — легко, едва ощутимо, как музыкант трогает струну, проверяя строй. Чисто. Точно. Я чувствовала его прикосновение так же ясно, как чувствовала вес собственного ножа.

В ту же самую долю секунды, без зазора, без малейшей паузы, руки Вакса оторвались от распределительного узла. Пустота, оставленная его телом в системе балансировки, и крошечный тактический импульс сверху наложились друг на друга.

Два разных события, два разных места, одна и та же сеть швов. Защитный разум Иштара, и без того перегруженный тайной блокадой северного сектора, поймал оба возмущения

разом — и сорвался. Сорвался в попытке компенсировать всё и сразу.

Пол под ногами ухнул вниз, будто лифт с оборванными тросами. Глухой, сдавливающий гул покатился по стенам коллектора, покрывая идеальные поверхности сеткой трещин. Тал, всё ещё удерживающий остатки контура, вскрикнул и отдёрнул руки. Глаза расширились.

— Лира... — голос дрогнул, дар структурного предвидения выдал пугающие данные. — Швы Иштара поплыли. Гравитационный колодец Сияющих сорвался с тормозов! Бьёт мимо Сектора Представительств... Накрывает Хранителей Памяти! Наверху паника!

Под потолком зала зажглись аварийные красные маркеры, из динамиков коллектора начали прорываться ломаные частоты — безумный, хаотичный шквал звуков, на фоне которого мой тактический экран выдал критический лог перегрузки северного сектора.

Мира. Вторая цель миссии. По схемам Иштара её содержали в полностью глухом, изолированном боксе, абсолютно задерживающем любые импульсы, но сейчас этот изолятор под северным сектором оказался в самом эпицентре сорвавшегося гравитационного удара. Её бокс сминало внешним давлением, и при деформации шлюзов Безмолвный Певец осталась бы там заживо.

— Тал, Вакс, бегом к шлюзу! — крикнула, перехватывая клинок поудобнее, пока пол под ногами медленно кренился

набок. — Миру берём с собой.

Глава 3

Шум чужих шагов

Она исчезла за колонной — и зал вернулся к себе.

Двенадцать Домов по кругу. Тишина с характером термической изоляции — чистая, плотная, выстроенная. Пульс шёл на десять ударов выше рабочей нормы. Я это зафиксировал. Посчитал до семи. Выводил.

Семя за спиной молчало. Слушало.

Поправил ремень контейнера. Движение механическое, лишённое смысла — просто дать рукам занятие, пока внутренний контур закрывает вкладку с именем «Лира» и возвращается к работе.

Закрыл.

Маршрут прежний. Хранители Памяти. Северный сектор. Запись, которая существует в единственном экземпляре и о которой Совет клана говорил с такой осторожностью, будто само упоминание меняет вероятности. Идти туда — прямо сейчас, пока Сияющие держат протокол вежливости.

Двинулся через зал.

Шаги давали эхо — гулкое, слишком чистое, без органических примесей. Иштар строил пространство для акустики граней, а монолит звучит именно так: красиво и мёртво одновременно.

Зал провожал меня правильно. Слишком правильно. Уг-

лы обзора, расстояние между фигурами — геометрия спланированной встречи. Они знали. Значит, внутри Клана кто-то держит открытый канал.

Биорезонатор на предплечье держал остаточный жар. Я оставил его в покое.

Пол ударил раньше звука.

Волна пришла снизу — смещением, без характера толчка. Будто Иштар на долю секунды утратил представление о том, где у него низ. Колонны качнулись. Свет в стенах рассыпался — ровные импульсы разлетелись в рваный, судорожный, мерцающий ритм. Во рту — металл, острый, как при резкой смене давления. Равновесие сбилось на полсекунды. Восстановилось.

Я присел, рука легла на ближайшую колонну.

Ошибка. Колонна передала всё сразу — давление снизу, ответный срыв защитных систем, и сквозь это — запах горячей изоляции из недр планеты, пришедший раньше своего источника.

Убрал руку. Встал.

Биорезонатор на предплечье вспыхнул — сигнал перегрузки, острый, без предупреждения. Через остаточный контур от «Проксимы» — давление в ушах, будто корабль резко изменил курс прямо в ангаре. Она чувствовала происходящее под поверхностью планеты раньше, чем сеть планетарных сенсоров — и давала это почувствовать.

Читаю швы.

Система Иштара шла лавиной — сразу с двух точек, разных по глубине и характеру. Одна — внизу, в технических коллекторах, механическая, грубая, как оборванный трос. Другая — моя собственная, та, что я подал несколько минут назад: чистый тактический импульс, проверка натяжения одного шва, без последствий сам по себе.

Понял.

Два события наложились. Мой импульс и что-то внизу — вакуум в балансировочном контуре, природу которого я считывал как механическую разгерметизацию, — поймали одну и ту же сетку швов в одну секунду. Защитный разум Иштара попытался компенсировать оба возмущения разом и сорвался. Ударил сам по себе.

По северному сектору. По Хранителям Памяти.

Секунду — ровно секунду — держал это знание на расстоянии вытянутой руки. Потом принял как данность.

Мой импульс был чистым. Ювелирным. Я это знаю с точностью, с которой знаю собственный пульс. То, что произошло, — совпадение двух событий на одной сетке. Бабочка и гравитационный колодец.

Одновременно Семя за спиной качнулось — резко, без пульсации, будто что-то потянуло контейнер за лямки снизу. Зафиксировал. Убрал.

Это обстоятельство займёт своё место в отчёте. Сейчас — маршрут изменился. Задача та же.

Зал наполнялся. Сияющие входили через все четыре про-

хода одновременно — дискретно, импульсами, без инерции между шагами. Свет из стен дал ещё один сбой, на этот раз долгий — три секунды полутьмы, в которые их тела теряли контур и занимали пространство между формой и её отсутствием.

Один остановился рядом.

— Расплетающийся. Северный сектор заблокирован. Ваш визит к Хранителям Памяти откладывается до восстановления протокола.

Голосовой импульс ровный. Без интонации. Информация, поданная как завершённый факт.

— На сколько? — спросил я.

Пауза. Сияющие держат паузу иначе, чем живые — у них она математическая, расчёт без биологического шума.

— Восстановление займёт время, соразмерное масштабу повреждения.

Перевод: они сами ещё считают. Значит, масштаб крупный. Значит, запечатанные хранилища вскрыты. Значит, первый, кто туда войдёт, — заберёт всё, что там лежало.

— Понял, — сказал я. — Подожду.

Форма напротив замерла на долю секунды — сбой в геометрии лица, едва уловимый. Слово «подожду» прошло через его протоколы и вышло чистым. Я умею говорить правду так, чтобы она звучала как манёвр.

Сияющий развернулся и ушёл с той же дискретной точностью.

Я остался стоять среди двенадцати колонн и двенадцати Домов.

Контур от «Проксимы» держался остаточным давлением за ухом — тонким, почти нитевым. Я отключил полную связь ещё в шлюзе, когда ступил на поверхность Иштара, однако корабли с Дорины умеют дотягиваться туда, куда их формально уже отпустили. «Проксима» молчала — и это молчание звучало.

Прикрыл глаза. Секунда — достаточно.

Северный сектор. Хранители Памяти. Запечатанные хранилища с уровнем доступа, закрытым даже для Совета клана. Запись, о которой Вейн сказал коротко и ровно: она существует. И ещё, уже у трапа: найди раньше всех остальных. Остальных.

Кто ещё охотится за этой записью — Вейн придержал при себе. Это отдельный разговор по возвращении. Старейшина Вейн обладает редким талантом к совести избирательного действия — умеет быть честным ровно в той мере, которая оставляет ему полную свободу действия. Я это всегда ценил. По-своему.

Открыл глаза.

Пути к Хранителям два. Парадный — через северный коридор, сейчас перекрытый. И второй, о котором Иштар предпочитает молчать: технические уровни под Сектором Представительств. Коллекторы, которые Сияющие используют для обслуживания своей идеальной геометрии и куда

сами ходят с той же охотой, с какой любой живой организм обследует собственную изнанку.

Там — швы. Настоящие, без отполированной поверхности. Там — путь.

Жар на предплечье стих — биорезонатор перешёл в фоновый режим, ровный гул под кожей, едва слышимый.

Я его слышал.

Обычно он замолкает в спокойные отрезки — когда система под контролем и поле вокруг читается без помех. Сейчас это молчание имело другой характер. Как будто что-то большое задержало дыхание и ждёт, когда я сделаю первый ход.

Отметил. Убрал в архив памяти.

Семя держало тишину — то же ровное присутствие, что и минуту назад. Только что качнулось без причины — и снова замерло, ровное, будто покой здесь стоял вечно. Оно делало это иногда, без ритма и предупреждения. Я носил его несколько недель и по-прежнему фиксировал каждое смещение как аномалию.

Аномалия. Аномалия. Достаточно. Пока — работа.

Технический лифт обнаружился за третьей колонной справа — за декоративной панелью, которая при ближайшем рассмотрении оказалась дверью без ручки. Стандартное решение для систем, предпочитающих скрывать собственную изнанку.

Считал замок за четыре секунды. Схема простая — аку-

стический резонанс конкретной частоты. Сияющие строят замки под собственные частоты и упускают из виду, что грань и живая плоть резонируют в разных диапазонах.

Дверь открылась без звука.

За ней — шахта. Воздух другой: влажный, тяжёлый, с запахом горячего металла и чего-то ещё — сложного, чужеродного здесь. Машинное масло. И под ним — что-то растительное, живое: сок или смола, столь же чуждые монолиту Иштара, как теплокровный запах в зале колонн.

Кто-то живой добрался до нижних уровней раньше меня. Взялся за поручень. Начал спуск.

«Проксима» теряла сигнал постепенно — металл коллекторов слишком плотный для её частот. Давление за ухом становилось тоньше с каждым уровнем, истончалось до нити, до едва различимого присутствия.

Потом — тишина.

Один. Контейнер за спиной. Семя внутри.

Северный сектор — где-то наверху и впереди, через швы, которые только что пережили гравитационный срыв.

Спустился ещё на два уровня. Остановился.

Стены коллектора гудели — низкий, сдавливающий тон, послесловие удара. Вдоль потолочных балок тянулись аварийные маркеры — красные, равномерные, молчаливые. Иштар ещё переваривал то, что с ним произошло.

Голоса. Три. Внизу, за распределительным узлом — приглушённые, однако интонации читаются даже сквозь металл.

Один — тяжёлый, хриплый — так звучит тело после длительного физического контакта с системой. Второй — ровный, с деловой плотностью коротких фраз. Третий — женский, командный, с ритмом, который тело фиксирует раньше, чем внутренний контур успевает дать определение.

Пульс дал одиночный сбой — мгновенный, без продолжения. Я его зафиксировал.

Этот голос я слышал в Секторе Представительств.

Голоса уходили вглубь бокового коридора, прочь от распределительного узла.

Я двинулся следом.

Близко — чтобы слышать. Далеко — чтобы оставаться вне поля считывания.

Расплетающий обязан знать, что происходит в системе, прежде чем принимать решения. Это любопытство профессионала. Это протокол.

Я держался за этой формулировкой ровно столько, сколько требовалось.

Потом просто шёл следом — до первого разветвления коллектора. Там голоса взяли левый рукав. Маршрут к архивам Хранителей Памяти уходил вправо. Я выбрал правый.

Глава 4

Память живого симбионта

Запах горелого белка. Так пахнут служебные биоконтуры Иштара, когда его защитный разум бьёт по собственным системам: гравитационный удар прошёл сквозь коридоры, как раскалённая спица сквозь масло, и теперь стены северного сектора дышали этим запахом — горько, растерянно, по-детски. Я шла через него и чувствовала на коже, как Иштар пытается понять, что с ним сделали. Воздух стал плотным, почти вязким — так бывает в живых тканях сразу после удара, когда тело ещё держит форму, но уже начинает помнить боль.

Тал шёл на полшага позади. Я слышала его дыхание — шаги он складывал в тишину. Ровное, считающее. Он всегда считает, когда думает. Три вдоха — значит, видит несущую балку. Четыре — значит, видит ещё одну и сравнивает.

— Северный коридор держит, — сказал он у меня за спиной. — Узел устал, но держит. Времени хватит.

— Сколько?

— Пока мы идём туда и обратно. Запас есть.

Я приняла это как факт. Тал ошибается в людях — иногда. В конструкциях — точен абсолютно.

Потолок северного сектора просел на треть метра — матовый, со светлыми прожилками трещин, — и в этих изло-

мах читалось что-то живое: так выглядит лицо, которое пытается удержать форму после удара. В другой момент я бы остановилась. Сейчас думала о Мире — о том, как два года абсолютной тишины выглядят изнутри.

Сразу после удара я отправила Тала вывести Вакса к «Мяте». Он едва держался на ногах — гравитационная волна прошла сквозь него и оставила долгое эхо в теле; он тянулся к стенам, которые уже решили стать потолком. На пути в изолятор он бы только замедлил наше движение. Пока Тал возвращался, я читала повреждения северного сектора через запах и давление — где гарь становилась гуще, где воздух сжимался и запырал, — и один проход остался пригодным для нас двоих.

Несколькими минутами раньше я стояла с клинком в руке и ощущала, как контур держится. Потом Вакс оторвал руки от узла — и удар пришёл раньше. Я это запомнила.

Возвращаться за людьми — моя привычка.

Изоляционный блок Сияющих пах иначе. Ледяная стерильность — пустота вместо чистоты. Из воздуха здесь выжали всё живое, оставив только молекулы.

Стены матового кварца холодные, ровные — свет падал на них и гас. Я положила ладонь на поверхность и почувствовала знакомое — мёртвое онемение под кожей, там, где у живой материи должна пульсировать частота.

Замок на изоляционном боксе работал от биометрии Сияющего — кристаллический процессор внутри рамы, фокус-

ная точка в центре. Тал посмотрел на него три секунды.

— Шов видно, — сказал он. — Гравитационная перегрузка прошла через раму. Фиксация сместилась.

Он положил ладонь на раму там, где трещина. Его симбионт отозвался — я слышу его всегда раньше, чем замечаю движение Тала: тихий органический гул с левого плеча, горячий, живой, сосредоточенный. Но кристалл держался. Я видела, как рука Тала побелела в суставах — давление росло, рама стояла. Сияющие строят так, чтобы живое скользило мимо. Симбионт гудел всё выше — почти с болью. Потом — сухой хруст, как ломается сахар. Фокусная точка в процессоре погасла. Замок щёлкнул. Рама подалась. Тал убрал руку. Сжал и разжал пальцы.

Я шагнула внутрь.

Мира стояла у дальней стены. Именно стояла — прямо, как человек, который давно выбрал позицию и держит её. Небольшая. Тихая в теле. Руки сложены у корпуса. Я прочла этот жест сразу: контроль. Постоянный, выработанный — единственное, что осталось за два года. Потом волна дошла до неё.

Запах горелого белка и гари из коридора хлынул внутрь вместе со мной. Звуки катастрофы — скрип просевших балок, далёкий гул переборок — ударили всем объёмом сразу. Я видела, как она качнулась — едва, на долю секунды, как дерево, почувствовавшее ветер после долгого штиля. Два года в абсолютной тишине. Мир навалился с одного вдоха. Она

выровнялась. Медленно.

Я почувствовала её симбионта. Доринийское существо у основания горла — там, где рождается звук. Тёплое, сосредоточенное. Мой собственный союзник у уха потеплел первым — лёгкое тепло вдоль скулы, детская радость. Они узнают друг друга через стены и время.

Я услышала её частоту. Минуя слова и образы — температурой, плотностью, рисунком. Её частота была тихой, выверенной, с жёсткими краями — как голос человека, который умеет кричать, но выбирает молчание. Внутри — что-то старое, залежалое, отложившееся слоями. Изоляция, если долго, становится текстурой кожи.

И ещё — музыка. Я услышала её сразу: в частоте Миры жила мелодия, которую я знала давно. Семя. Она знала его частоту лучше, чем я. И в этот момент я уловила — далеко, сквозь уровни Иштара — ответный импульс. Семя было где-то там, в движении, и оно услышало.

Я сказала:

— Я пришла за тобой раньше. Пространство сложилось против.

Мира смотрела на меня. Она моргала — глаза нащупывали свет после долгой темноты. Потом сказала — вполголоса, хрипло:

— Я слышала.

Я ждала. Она продолжила — ровно, с усилием:

— Тогда, когда ты шла. Слышала шаги. Потом — удар.

Потом тишина.

Пауза. Взгляд её сместился — чуть вниз, чуть за моё плечо. Ладонь легла на живот — опора, почти незаметная.

— Оно здесь, на Иштаре, — сказала она. Голос человека, который слышит прежде, чем спрашивает.

— Да.

— Красиво звучит. Очень.

Тал ждал в коридоре. Когда мы вышли — Мира первой, я следом, — она на секунду остановилась.

Просто стояла. Коридор после изолятора — объём, звук, запах горелого белка, движение воздуха. Два года заточения — и сухая пустота вместо всего этого. Я видела, как её грудь расширилась на первом вдохе — осторожно, будто воздух мог оказаться острым. Она брала его в себя медленно, по глотку. Выдохнула. Опустила плечи. Пошла дальше.

Тал смотрел на неё. Три секунды. Потом взгляд ушёл ниже, к основанию её горла, туда, где живёт её симбионт.

— Слышу его, — сказал Тал. Просто так.

Мира посмотрела на его плечо.

— Твой тоже слышит. — Улыбнулась чуть, почти невидимо. — Они здороваются.

Тал кивнул. Ему достаточно.

Я смотрела на них обоих и думала: так собирается команда. Молча. Через взгляд. Через касание частот. Симбионт к симбионту — и уже есть что-то общее, что старше любого договора.

— Идём, — сказал Тал. — Узел держит, но время вышло. Мы пошли.

На обратном пути я ощутила чужое.

Телепатический фон Иштара после катастрофы стал густым, шумным, полным боли и паники. Защитный разум бил по собственным системам. Тысячи живых сознаний кричали на частотах, которые я привыкла фильтровать. Иштар давил — я знала это с первого часа здесь, держала защитные фильтры плотно. Держала и сейчас.

Холодная частота. Ровная. Выхолощенная до нуля — как воздух в камере, из которого убрали запах и вкус. Она шла сзади и чуть сверху, от перехода на уровень выше, и в ней — пустота вместо живого. Сияющих я ловлю иначе — пересолённая ложь, идеальная форма с гнилью внутри. Это иное. Совершенно незнакомое — впервые за всё время моей работы.

Я замедлилась. Тал среагировал мгновенно — встал за моим левым плечом, рука у симбионта.

— Шов? — тихо.

— Другое. — Я покачала головой. — Частота. Сверху.

Мира за моей спиной — едва слышно:

— Я слышала их ещё в изоляторе. Шли к Хранителям Памяти.

Я обернулась. Мира смотрела прямо на меня. Ровно. Готова.

— К архивам, — добавила она. — Их интересует то, что

там лежит.

Что-то во мне щёлкнуло — тихо, как замок, который открывается изнутри. Архивы Хранителей Памяти. Запечатанные хранилища, вскрытые ударом. Эйрен шёл туда с верхних уровней Иштара — я поймала его ещё в Секторе Представительств, а после улавливала эту холодную профессиональную частоту с аномалией внутри. Он сам систематически обходил её стороной. На миг я снова уловила его — частота уходила всё дальше к архивам.

Значит, он нас прочитал — и всё равно сделал выбор. А эти шли сверху.

Гонка. Уже гонка — просто я об этом узнала позже всех. — Сколько? — спросила я Миру.

— Пятеро. Двигаются тихо — очень тихо для такого фона.

— Обходим, — сказала я.

Тал уже смотрел в потолок — туда, где стена встречается с балкой, где шов.

— Технический проход слева. Двести метров до выходного шлюза. Там чище.

— Веди.

Я скосила взгляд на Тала: его симбионт светился чуть сильнее обычного в темноте прохода, тонкий живой огонь на плече.

Мира шла рядом. Молча. Я чувствовала, как она собирает мир заново — привыкает к объёму звука после долгой изоляции. Для неё сейчас каждый коридор звучал как оркестр.

Она держалась. Руки по-прежнему сложены. Контроль.

На середине прохода она сказала тихо:

— Ты знаешь, что в архиве.

Она так говорит — сначала слышит, потом произносит то, что уже знает.

— Знаю.

— И они знают.

— Да.

Пауза. Шаги. Где-то далеко — глухой удар, Иштар вздрагивал и оседал.

— Я слышу его, — сказала Мира. Тихо. Почти про себя. Симбионт у основания её горла отозвался острее — она на секунду прикрыла глаза. — Семя. Прямо сейчас. Где-то на Иштаре. Двигается.

Я помолчала секунду.

— О чём оно поёт?

Она думала. Долго — по меркам Миры, примерно четыре шага.

— Зовёт. — Потом: — Тех, кто придёт после забвения.

У меня по позвоночнику прошло что-то тёплое. Узнавание. Слова из пророчества, которое Великая Чена читала мне вслух в кластере Ордена, когда мне было четырнадцать. С тех пор я носила его внутри, в своей памяти. Мира жила иначе. Она просто слышала Семя. Я почувствовала, как что-то перестраивается внутри меня — тихо, ласково, нежно.

Шлюз открылся на запах открытого космоса — металл и

холод, и этот тонкий привкус вакуума за переходной плёнкой, который всегда немного похож на предвкушение.

«Мята» ждала в нижнем доке, там, где Тал её оставил с Ваксом. Вакс сидел у переборки — тяжёлый, измотанный, с освобождёнными руками, которые всё ещё помнили форму силовых нитей. Тал бросил на него один взгляд, сказал: «Держись», — и встал рядом. Я легла за штурвал.

Иштар отпустил нас сам. Планета переваривала собственную катастрофу: защитные системы смотрели внутрь, раны северного сектора казались важнее периметра. «Мята» прошла сквозь выходной коридор как тень сквозь разлом.

«Сирокко» висел в точке сорок семь. Я запросила причаливание через симбионта — принял, транслировал, отозвался лёгким теплом подтверждения. Корабль живой, как и я. Мы понимаем друг друга молча.

Стыковочный рукав принял «Мяту» с глухим, надёжным щелчком. Вакс поднялся первым — медленно, тяжело, держась за поручень обеими руками. На пороге обернулся.

— Куда? — спросил он. Голос ещё хрипел, но в глазах уже работал тот же холодный расчёт Железного Архитектора, которого Сияющие держали на цепи.

— Пока — на «Сирокко». Ты дал нам тактическую карту Изнанки и коды Хранителей, Архитектор. Долг закрыт. Дальше — выбор. Ты с нами?

Вакс кивнул — коротко, как человек, которому объяснения его маршрута достаточно, — и вошёл следом.

Тал встал у шлюзового поручня, смотрел на стыковочный коридор.

— Следы посадки на площадке D-четыре, — сказал он ровно. — Остывшие. Оставлены два часа назад. Борта с военной маскировкой — след другой плотности.

Те самые. Холодная частота — я её помнила.

— Сколько судов?

— По следу — три.

Мира слушала молча. Потом сказала:

— Архив важнее нас.

— Пока — да, — сказала я.

— Пока, — повторила она. Чувствуя слово на вкус. Проверка точности.

Я посмотрела на неё. Два года изоляции — и никакого лишнего слова. Слышит точнее, чем говорит. Говорит точнее, чем большинство думает. Мне это нравится.

Мы вошли на «Сирокко» вчетвером.

Тал прошёл сразу в машинный — привычка, ритуал, первое, что он делает на борту: читает нагрузку. Вакс остановился у тактической стойки и положил освобождённые руки на край панели — будто проверял, помнят ли пальцы свободу. Мира остановилась у входного порога и коснулась переборки. Стояла секунду. Корабль тёплый — тепло живого, идущее изнутри обшивки, как из чьей-то ладони.

— Хорошо звучит, — сказала она.

— Это «Сирокко». Он слышит, когда его слушают.

Она кивнула — коротко, серьёзно, как при знакомстве с живым существом.

Я прошла к навигационному посту. Иштар уже уходил назад — кристаллический город с разбитым северным сектором, с архивами, которые перестали быть запечатанными, с чужими следами на площадке D-четыре.

Где-то внутри него, в верхних ярусах над Сектором Хранителей, двигался Эйрен — я улавливала его частоту всё тише, но держала. Холодную, точную, с этой одной аномалией, которую он сам себе объяснял как сбой. Он взял правый рукав, уходя параллельным курсом к самому эпицентру Архива. Выбрал протокол. Правильно — и одновременно прямо в пасть к тем, кто заходил с той же стороны.

Три точки на одной карте: мы, Эйрен и те — с холодной частотой и военной маскировкой. Эйрен шёл быстрее. Возвращаться к архиву — значит войти в точку, где он уже стоял. Хранители Памяти — другой путь. И у нас есть Мира.

Я запустила «Сирокко».

Мира оставалась у переборки — я ушла в навигацию и потеряла её из виду.

Я вернулась к ней через звук. Думала о сканере, о следах на площадке D-четыре, о том, сколько времени у Эйрена внутри Иштара. Потом — слышала.

Она пела. Один ритм. Что-то тише шёпота — звук на границе слуха, где телепатия и акустика перестают различаться. Тихо, почти про себя, как человек, воспроизводящий мело-

дию, услышанную давно и только сейчас вспомненную. Симбионт у основания её горла светился чуть сильнее обычного — живой огонь в такт.

Мой союзник под кожей ожил первым. Лёгкое тепло вдоль скулы — узнавание, почти радость. Потом волна прошла глубже, и я поняла: это направление.

Откуда — резонанс себя объяснять избегает. Приходит раньше слов, раньше логики, раньше любого «подожди». Внутри дрогнуло маленькое сопротивление — секундное. Я его отпустила.

Архивы стояли на месте. Но сейчас они превратились в ловушку, где уже сходились сразу две силы. Там Эйрен.

Пальцы легли на навигационную панель.

Система Тиар. Противоположный конец галактики. Дом Хранителей Времени.

Зачем — я сама ещё держала этот вопрос за скобками. Мира оставалась в молчании. Семя промолчало. Просто звук лёг в меня как ключ в замок, о котором я и забыла, что ношу.

— Тиар, — произнесла вслух. Первый раз — как проверка. Второй раз — как решение.

Мира замолчала. Посмотрела на меня. Та же тихая уверенность, что и в камере изолятора. Человек, который слышит прежде, чем понимает.

— Да, — сказала она. Одно слово. Достаточно.

«Сирокко» принял координаты.

Иштар остался за кормой.
Впереди — система Тиар.

Глава 5

След пустого канала

Верхний ярус пах горелым и чужим.

Совершенный Кристалл Иштара умирал — медленно, как большие рукотворные вещи умирают. Сияющие веками выращивали эти структуры из единых резонансных массивов, превращая их в живые космические узлы, и теперь эта колоссальная сеть гасла точка за точкой. Взрыв в северном секторе сорвал четверть ресурсной матрицы, и теперь его системы делали то, что делают раненные организмы: стягивали всё к центру, уходили в себя, забывали о периметре. Защитные экраны на коридорах уровня Б-семь мигали в рваном ритме — три секунды свет, провал, снова три секунды. Гравитационные компенсаторы работали с перекосом: правая нога давила на двести восемьдесят граммов больше левой. Я скорректировал шаг, подавляя глухое раздражение на Сияющих, которые умудрились построить его полностью открытым для удара в условиях реального боя.

«Проксима» ждала в нижнем доке. Слишком долго для открытой позиции на надломленном узле, чей угасающий энергетический каркас вибрировал и грозил схлопыванием всей доковой зоны. Воздух в переходах нёс привкус горелого изолятора — запах инфраструктуры, добравшейся до края. Основные переходы яруса уже смяло деформацией, поэтому

единственный доступ к Архиву лежал через кабельные коллекторы.

Я двигался правым рукавом — там, где коридоры обслуживания параллельны основным ярусам, но ниже зоны видимости для большинства сканеров. Иштар строился по старым имперским стандартам: инженерные проходы как второй скелет под видимым телом здания. Сияющие слишком высокомерны, чтобы менять свои базовые архитектурные модули, и Клан успешно пользовался этой предсказуемостью. Знать схему — значит владеть другим телом изнутри.

Фоновая частота Иштара изменилась. Семя в контейнере за моей спиной молчало. В Секторе Представительств оно качнулось — резко, минуя пульсацию, заставив живые нити костюма натянуться до предела, — и с тех пор держало полную тишину. Тяжёлый кокон давил на позвоночник, но это было живым, пугающим присутствием. Я носил его достаточно долго, чтобы различать виды чужеродного молчания. Сейчас за лопатками — хищник, замерший в точке броска.

Я зафиксировал это ещё на подходе к сектору Хранителей. Корневая сеть Иштара шла глубокими трещинами — её память, её идеальные контуры транслировали системный перегруз, аварийный сброс частот и панику зажатых в тупик протоколов. Привычный фон. Управляемый.

Что важнее: на верхнем ярусе присутствовала ещё одна частота. Ровная. Профессиональная. Человеческая, однако

странно холодная — полная изоляция контура, чистый расчёт, абсолютное подавление биологии. Ликвидаторы. Тело — расходный материал. Я добавил двадцать секунд к своему темпу.

Запечатанный сектор открылся вопреки всем протоколам.

Плохой знак. Архив Второго Дома, Хранителей Памяти, строился с одной идеей: входить туда должно быть сложно. Гравитационные замки, биометрический контур, резонансные блоки — три слоя, каждый из которых требовал кода или крови. Все три слоя стояли в тишине. Кто-то снял их раньше меня — аккуратно, со знанием схемы, сохранив чистоту контура.

Я остановился за последним поворотом. Прослушал.

Пять живых источников тепла во всём секторе. Термосигнатуры плотные, экранированные — полевое контрактное снаряжение. Распределение чёткое: два у центрального хранилища, один у левой стены на охране, ещё один контролировал вход. Пятый двигался — медленно, целенаправленно, по дуге вдоль стеллажей. Считывал метки. Искал конкретный объект.

Я поднял аппаратный глушитель на левом запястье и вошёл.

У самого порога лежал Хранитель Памяти. Тепло покинуло его тело минут десять назад.

Я узнал его вид сразу — по коже, бледной до прозрачности, под которой ещё угадывались нити: тонкие, серебри-

стые, застывшие в статике. Высокий, почти сведённый к контуру старик. У виска — нитевидные линии, каждая из которых означала принятый архив, чужую жизнь, унесённую внутрь. Их было много. Он успел прожить долго. Глаза открыты — радужку заменяла многослойная мембрана, чёрная, застывшая, смотрящая в перекрытие. Одна рука вытянута вперёд: туда, к центру зала, в сторону стеллажей. Он стоял здесь до конца — между наёмниками и тем, что хранил.

Пульс дёрнулся. Фиксация критического ущерба: Хранители Памяти веками оставались живыми носителями имперских хроник, храня в себе то, чему Сияющие безговали давать физическую форму. Вместо с потухшими нитями у виска этого старика прямо сейчас омертвевали целые пласты истории, остававшиеся за пределами моих возможностей анализа. Огромный массив данных ушёл в ноль.

Я перешагнул через него и вошёл.

Архив уходил вверх на восемь метров — единое биологическое тело из камня и волокна. Стены пульсировали. Волокна меняли плотность, словно по ним ещё продолжала течь жизнь.

Каждый погибший Хранитель отзывался внутри Архива потерей. Свет в глубине становился тусклее. Отдельные участки ткани серели, поддаваясь некрозу. Передо мной находилось многовековое существо. Оно угасало.

Стеллажи шли от стены до стены — тёмное органическое

дерево с металлическими пазами, в каждом пазу капсула. Тысячи капсул. Каждая — резонансный формат хранения: живая матрица, костяная пластина, кусок ткани с памятью внутри. Чужие жизни, чужие свидетельства, чужие тайны — законсервированные и лежащие здесь в темноте до востребования.

Воздух стоял сухим, с горьковатой нотой — то ли минерал, то ли память о минерале, то ли просто запах вещей, слишком долго хранящих слишком много.

У второго стеллажа лежал ещё один Хранитель. Упал лицом вниз, рука сжата на краю полки. У дальней стены, там, где стеллажи обрывались углом — третий. Этот сидел, опёршись спиной о дышащий камень, словно просто устал и присел на секунду. Серебристые линии у него шли от виска до скулы и дальше — к шее. Старый. Очень старый. Нёс в себе чужих жизней больше, чем лет в собственной. Все мертвы.

Впереди оставалась лишь та самая пятёрка живых. Один из них, шедший по дуге, остановился у стеллажа главного ряда и поднял капсулу. Внутри капсулы вращалась меркаба. Октаэдр, живой кристалл с двойной осью вращения, оболочка в мелкой насечке. Запись, сделанная резонансом. Я смотрел на неё секунду — фиксируя форму, выстраивая тактическую схему штурма. Наставник Вейн приказал: «Ты найдёшь, что нужно, поймёшь». Я тогда промолчал.

И именно сейчас груз за спиной выдал совершенно иную реакцию: качнулся. Коротко, резко — масса контейнера сме-

стилась в сторону наёмника с меркабой, точно стрелка, у которой нашёлся север. Реликвия впервые перехватила инициативу, сама указывая вектор. Я приготовился к атаке.

— Чисто. Объект взяли, уходим, — хлёстко, на рваной профессиональной частоте произнёс боец у стеллажа. Голос разрушил монотонную тишину зала.

— Контур держи... — успел отозваться наёмник, контролировавший вход.

Он замолк, погас, упал тихо. Глушитель лишь коротко сместил воздух.

— Назад! Он внутри! — выкрикнул центральной штурмовик, пытаясь разорвать дистанцию.

Фланговый боец пошёл слева — корпус низко, центр тяжести смещён вперёд, удар готовился снизу. Я читал его за полтора шага. Уклон вправо, давление в плечо по вектору его собственного движения — противник потерял равновесие раньше, чем успел осознать финал своей атаки. Второй оказался рядом моментально. Расчёт показал одно. Глаза увидели другое: плечи ещё сохраняли прежнее положение, корпус только начинал разворот — нож уже входил в сектор поражения. Расхождение между видимым движением и реальной атакой — меньше десятой доли секунды.

Я сорвал корпус с линии удара, лезвие прошло в сантиметре от ребра, ожогом полоснув по воздуху. Нить вдоль рёбер уплотнилась за семьдесят миллисекунд до того, как тело завершило уклон — древняя матрица читала вектор раньше

решения.

Остальные двое перестроились одновременно. Одно движение. Каждый занимал позицию ещё до того, как предыдущий завершал свою фазу — та же аномалия, та же пустота на входящих каналах. Канал связи между ними пустовал. Они просто знали. Я знал, что означает пустой канал у профессионалов — дисциплина, протокол, жест. Это было другим. Канал пустовал изнутри. Как будто поле внутри них было единым. Прогноз потерял смысл. Осталось наблюдение. И скорость.

Центровой пошёл на сближение — быстро, прямо, в обход финтов. Приманка. Последний в то же мгновение сместился вправо, закрывая угол отхода. Я шагнул навстречу центральному — вопреки его ожиданию — и зафиксировал секундный сбой схемы: долю секунды они оба корректировали позицию. Этого времени хватило. Локоть в основание шеи центрального. Колено — по опорной ноге замыкающего, когда тот ещё только начинал смещение. Хруст кости. Противник осел на пол молча, с лицом человека, получившего от тела сигнал о катастрофе.

Последний, пятый, удерживавший меркабу, попытался вскинуть оружие, но рухнул от встречного удара в корпус. Меркаба выскочила из его пальцев. В зале стало тихо.

Биорезонатор на предплечье держал чистоту. Адреналин — ноль. Тепловой пик — гармоничен. По всем пяти источникам — мёртвая ровность. Я стоял посередине, слушал.

Только моё рваное, тяжёлое дыхание, только гул вентиляции, только далёкий — очень далёкий — гул оседающих конструкций. Школа боя. Классификация открыта. Координация, обходящая каналы связи. Я знал достаточно школ, чтобы понять: это результат долгой работы с собственным полем. Они убрали себя — всё, что создаёт помехи, всё, что делает людей отдельными. Что осталось в этом поле — я ещё выясняю. Плечи опустились на полтора сантиметра. Режим ожидания. Мои фильтры начали сбойть, пропуская дикую человеческую злость.

Носитель в ладони оказался тяжелее, чем выглядел. Он сохранял внутреннее тепло. Насечка на гранях шла по спирали. Я провёл пальцем — рефлекторно, совершая рабочую оценку — и уловил отклик. Частота. Тихая, стоячая, точно стрелка компаса. Нить сжалась первой — тихо, точно, молча. Биорезонатор зафиксировал то, что она уже знала.

Я убрал его в костюм — живая нить приняла сразу. Узнавание. Пятнадцать тысяч лет нить несла матрицу Древних в своих слоях. Меркаба из архива Хранителей вышла из того же слоя реальности. Внутренняя полость сформировалась мгновенно, давление распределилось вдоль левого бока ровно и уверенно. Предмет исчез из движения тела, словно всегда находился там. Три года я носил этот костюм. Впервые он вёл себя как участник. Инструмент — это был я. Нить молчала — ровно, довольно, как существо, выполнившее задачу, которую само себе назначило.

Архив среагировал через восемь секунд.

Стеллажи вдоль стен загудели низко и синхронно, будто кто-то задел камертон: один тон, ровный, нарастающий. Освещение сменило спектр — из рабочего белого в красный, в то красное, которое означает опасность, даже что-то старше опасности. Заккрытие. Защита от потери.

Ментальные стражи Архива — я читал о них в отчётах Клана как о легенде. Защита архива Хранителей, слой, который активируется только при одном условии: когда выносят то, что должно оставаться. Теоретически — давно устаревший механизм, рудимент эпохи до имперских протоколов. Теоретически.

Практически — из перекрытия вышло нечто. Давление шло впереди формы.

Я его ощутил как температурный перепад: холод вдоль затылка, потом — вдоль позвоночника, потом — в ладонях, там, где только что держал носитель. Ментальный контакт — чистое давление, в обход слов и образов. Просто требование: вернуть всё назад.

— Моё, — сказал я вслух. Голос — это тоже частота. Иногда точнее мысли.

Автономный контур Стража отступил — я уже пробивался наверх, покидая кабельные коллекторы, пока потенциал его поля угасал за спиной.

Коридоры уровня Хранителей перестроились — буквально. Гравитационные направляющие в полу изменили вектор,

и первые двадцать метров я шёл вверх там, где должен был идти прямо. Перекрытие в конце прохода опустилось — медленно, размеренно, как механизм, у которого вечность впереди. Я прошёл под ним за полторы секунды до касания.

Первая ловушка — физическая, механическая, старая. Вторая — другого сорта.

На пересечении двух технических коридоров меня накрыло агрессивной ментальной проекцией Стража. Полноценная, объёмная реальность со всеми физическими ощущениями, вставленная поверх текущей. Я стоял в Зале Первого Касания — в сердце Расплетающих на Оракуле, под сводчатым потолком, где наставник Вейн три года назад дал мне первое задание. Он смотрел на меня с того же места, где всегда стоял: у левого окна, спиной к свету.

Иллюзия была совершенной. Запах камня, запах пыли, температура зала — всё совпадало. Я сделал шаг вперёд прежде, чем понял, что делаю это. Тело опознало место раньше, чем голова выставила фильтр. Контур врага сработал с абсолютной точностью: Страж вытащил из моей головы единственный слепой сектор, считавшийся защищённым. Это вызвало холодную, расчётливую ярость. Как изящно он скопировал моё воспоминание, забыв вдохнуть в него хаос.

Я закрыл глаза. Пересчитал шаги от входа в коридор до пересечения: двадцать два. Стена слева — металл, прохладный, молчащий. Стена справа — металл, прохладный, глухой. Пол — горизонтальный. Я двигался вперёд с закрытыми

глазами, нитью руки по стене, считая шаги.

На тридцать первом шаге ментальный морок рассыпался.

Зал Первого Касания ушёл — резко, мгновенно.

Давление вернулось — сильнее. Оно сменило природу — стало болью: острой, точечной, в затылке, в висках, за глазами. Способ, которым Стражи заставляли нарушителей остановиться.

Я зафиксировал боль как факт. Продолжал идти. Боль — данные. Данные — рабочий материал. Рабочий материал держит движение. Челюсти свело так, что затрещали зубы, я шёл дальше.

Контейнер за спиной держал тишину. Семя там, внутри, и это молчание давило иначе, чем Страж: Страж требовал. Семя просто ждало. Я ускорился.

Конструкция умирающего узла трещала по швам вокруг меня. Взрывная волна от северного сектора добралась до технических рёбер уровня — слышал это по изменению тона вентиляции, по тому, как пол начал отдавать вибрацию в подошвы рывками. Коридор справа обрушился с глухим, нутряным звуком. Я ещё ускорился.

Шлюзовый отсек уровня Д-три горел.

Горел — перегрузом: система пожаротушения работала на максимуме, заливая пространство пеной-нейтрализатором, из-за чего видимость упала до двух метров, а каждый шаг давил на что-то скользкое и ломкое. Ментальный алгоритм Стража работал в ровном ритме, с фиксированной ам-

плитудой.

Я считал его ритм. Три источника воздействия, разные частоты, колебания, пульсация. Чередование. Интервал — четыре–пять секунд между пиками. Слабость — в паузе.

В паузе я проходил по одному отсеку. Потом ждал пика, держал голову в ноле — именно в ноле: образы закрыты, мысли закрыты, точки входа для ментального контакта — закрыты. Потом следующая пауза, следующий отсек.

Медленно. Дорого по времени. Варианты иссякли.

Левое плечо в конце концов получило осколок — малый, от фрагмента перегородки, сломавшейся под вибрацией. Я ощутил его как горячую точку, оценил глубину как поверхностную и продолжил двигаться. Кровь — тоже данные: тёплые, живые, совпадающие с расчётом.

Тридцать метров до дока. Двенадцать... Семь... Три...

Давление Стража резко, до темноты, накрыло весь диапазон — финальный выброс, последняя попытка остановить. Я упёрся спиной в стену, переждал четыре секунды, стиснув зубы, и сделал шаг вперёд.

Шлюз дока открылся.

«Проксима» стояла там, где я её оставил.

Это мелкое, совершенно будничное обстоятельство вдруг ударило в грудь как что-то по-настоящему важное. Тёмный живой корпус, заострённый нос, два тяговых контура по бортам — военная сборка с гражданской регистрацией, мой рабочий инструмент и мой единственный дом последние три

года. Она стояла и ждала. Напряжение, державшее мои плечи последние два часа, наконец-то отпустило короткой дрожью. Я был на своей территории. Корабли с Дорины умеют прощать своим пилотам долгие отлучки, но сейчас её контур отозвался в ушах такой чистой, согласной частотой, словно она сама выдохнула вместе со мной.

— Домой, — приказал я контуру корабля, заdraивая шлюз.

Системы запуска — тридцать две секунды по протоколу, я сократил до двадцати трёх. Двигательный блок ответил с первого импульса: Иштар мог умирать вокруг, а «Проксима» — жить на своих внутренних часах. Выходной коридор дока открылся сам: станция для приёма кораблей к этому моменту окончательно переключилась на внутренние алгоритмы безопасности, предоставив протоколы шлюзовых камер самим себе.

Я вышел в открытое пространство и дал максимальную тягу.

Иштар остался позади — ломаный силуэт. Снаружи это просто тёмная масса и осколки; изнутри было страшнее. Я смотрел на него через экран «Проксимы» ровно столько, сколько нужно для тактической оценки: Иштар отпустил. Преследования — чисто. Маяки — молчат.

Потом переключился на курс.

Меркаба лежала у меня над левым ребром, в слое живой нити, куда костюм убрал её ещё в Архиве. Я извлёк её и по-

ложил на навигационный стол. Поверхность стола мгновенно покрылась тонкой сеткой инея. Температура упала на три градуса. Биорезонатор зарегистрировал изменение и погас.

Я коснулся грани. Отклик пришёл сразу. Чистый канал. Только направление.

В ту же секунду контейнер за спиной изменил давление. Первый раз за всё время. Медленный поворот. Словно что-то внутри развернулось к ней.

Я остановил движение.

Биорезонатор вспыхнул снова. Тот самый сдвиг частоты, та самая аномалия, которую я фиксировал в Секторе Представительств. Синхронная реакция двух сопряжённых систем. Случайность как версия исчерпала себя.

Палец оставался на грани. Давление сохранялось несколько секунд. Потом исчезло.

Я записал в рабочий журнал:

«Контакт с носителем. Одновременная реакция артефакта и меркабы. Причинно-следственная модель — под вопросом.»

Эта живая структура дышала, излучалась и покалывала пальцы. Запись хранила знание. Семя узнало её. Связь существовала.

Я убрал её обратно. Живая нить приняла сразу.

Мой наставник Вейн работал с явлениями, сигнатурами и кодами, материальность которых ещё только складывалась. Курс на Оракул приобрёл другой смысл. Я возвращался с

вопросами. Живая нить пульсировала ровнее обычного — словно она уже знала ответы и ждала, пока я догоню.

Курс лёг в навигационную систему легко — «Проксима» знала Оракул. Планета стояла в памяти корабля как домашняя точка: первый порт приписки, первая координата, с которой я начинал каждый выход и к которой возвращался каждый раз, когда возникала необходимость в твёрдой земле под ногами.

Расчётное время в пути — восемнадцать стандартных галактических часов.

Левое плечо напомнило о себе тупой, ровной болью — осколок сидел почти на поверхности тела, но вытаскивать его вручную — та ещё задача. Я занялся этим в медотсеке, спокойно и методично: зонд, сканирование, нейронный пинцет, заживляющий гель, полоска ткани. Хорошая задача после напряжённых часов активного режима — она требует только рук и абсолютной точности, позволяет мыслям идти своим ходом. Автономно.

Мысль возвращалась к одному месту.

К Сектору Представительств. К женщине с живым симбионтом — первой за годы работы, кого я опознал как живое существо с Дорины, по его тонкой частоте и вибрациям. Частота симбионта — тёплая, органическая, с характерным доринийским обертоном. Я поймал её на долю секунды и потерял в общем шуме зала. Тогда её симбионт среагировал на моего — мгновенно. Биорезонатор ответил в ту же секунду.

И следом — Семя в контейнере: лёгкое смещение давления вдоль позвоночника, как будто что-то внутри повернулось к ней. Один всплеск. Три источника. Я квалифицировал это как сбой контура и занёс в журнал. Отложил до Вейна. Но тело среагировало раньше головы — и это был факт, который журнал фиксировал, а моя структура сознания держала открытым.

«Проксима» готовилась к прыжку. Я залезал в прыжковую капсулу, отключаясь понемногу от событий на Иштаре. Впереди — Оракул, Клан, Вейн, разговор, который придётся начать с предметного доклада, а закончить вопросами, ответы на которые мне ещё предстоит найти.

В затылке ещё держался след ментального давления стражей — слабый, затухающий, как остаточный шум после интенсивного сигнала. Я его зафиксировал и отпустил: давление закончилось, задача выполнена, корабль в порядке, курс выставлен. Момент был исчерпан.

Восемнадцать часов до Оракула. Живая нить выравнивала давление вдоль позвоночника — ровно, привычно, как всегда в прыжке. Я закрыл глаза.

Глава 6

Вечное мгновение встречи

Седьмая пиала чабреца стыла на краю пульта. Иштар рас­творился за кормой четыре часа тому назад, и с этого мг­новения я мерила время глотками, предоставив мембране об­зора вести собственный отсчёт.

«Сирокко» держал крейсерскую тягу — ровно, экономно, тем особым образом сытого тела, что бережёт силы на дол­гий путь длиной в десятки часов глубокого космоса. Тиар ждал впереди — сорок два часа хода по самым честным рас­чётам корабля, прыжок на самый дальний край этой стороны звёзд. Хранители Времени, существа, умеющие жить внутри собственных потоков, ждали нас там — я чувствовала это в позвоночнике. С такими граница между прошлым и буду­щим — вопрос ощущений.

Я осталась на посту. Пространство за бортом слушает тех, кто смотрит — и пока я здесь, «Сирокко» идёт сквозь него со свидетелем. Живая плоть судна предлагала два способа пережить свёртку — уйти в глубокий сон или принять дыха­ние материнской структуры, разделив его ритм всем телом. Каждый делал свой выбор.

За спиной пульсировал этот самый объём, и в его едином такте читались четверо: Тал — глубоко в машинном, разго­варивал с приводами руками; Мира — в каюте, свернувшись

в той особой тишине, которую умеет держать только она; Вакс — у тактической стойки, неподвижный, как камень, что давно выбрал собственную форму и сохраняет её монолитной. Я слышала каждого — ровным живым фоном, углями, что хранят жар молча, дожидаясь часа. Корабль дышал вчетвером, и я — пятым лёгким в этом дыхании.

Я подняла пиалу. Чабрец — горький, с долгим терпким шлейфом, тот вкус, что я заваривала себе в трудные часы, когда искала ясности. Отпила. Привычно, правильно, чуть горько, со смоляным следом на губах.

И тут — поверх чабреца, вопреки всякой логике — пришёл мёд: густой, тёмный, тягучий, тот самый дикий мёд, что пахнет разогретым воском и лесом сразу после дождя. Я знала этот вкус с детства — Живые Леса, наставница Рина, соты, срезанные прямо с улья и положенные детям на язык перед первой медитацией круга. «Сладкое открывает», — говорила она, и ладони у неё пахли воском неделями, до самой зимы.

Пиала держала только чабрец. Я провела языком по нёбу — горько, единственно, как должно быть. Шелест пульсировал покоем — тем особым, каким пульсирует существо, убедившееся в безопасности раньше хозяйки. «Сирокко» шёл ровно. Мир держал форму.

Иштар жил во мне послевкусием — плотным, тёмным, с той минеральной горечью, что впитывается глубже вкуса и уходит позже всего остального.

Я вернула взгляд звёздам.

И тогда время встало. Само. Вдруг. Чужое.

Страх пришёл первым — короткий, ледяной, древний: тот, что узнаёт тело раньше разума. Я почувствовала чужое присутствие внутри себя — глубже, чем достают руки, глубже, чем достаёт воля — и рванулась: забрать контроль себе, — но упёрлась в стену: тело слушалось меня во всём остальном, послушно и ровно, а эта нить принадлежала кому-то другому.

Мир тем временем застыл вокруг этой остановки концентрическими кругами, как смола застывает в падении, передумав на полпути. Пиала на краю пульта замерла в воздухе — я только что поставила её, она слегка качалась, и теперь само качание превратилось в форму, неподвижную и точную, как выдох, прерванный на середине. Звук привода густел, плавился в одну низкую ноту, будто кто-то взял аккорд и держал палец на струне дольше, чем позволяет любая музыка.

Три секунды. Четыре.

Пятая задержалась где-то на пороге, упрямо отказываясь войти. Я ждала щелчка — того самого, что обычно возвращает мир на место, когда останавливаю время сама. Тишина тянулась вместо щелчка, плотная, как сладкий мёд в холода.

Мембрана обзора впереди — та самая, что работала узором звёзд, — пошла тонкой рябью, будто кто-то провёл пальцем по поверхности молока. Рябь уходила вглубь. Преграда

редела — будто стекло вспомнило, что прежде всех имён было кожей. Свет вошёл сквозь неё — преграда, ставшая руслом, пропускала его так, как пропускает воду готовая принять её почва. Свет — иной. Рождённый изнутри себя, включающий тени, идущий отовсюду сразу.

Запах ударил первым, опережая свет и звуки: тёплый камень, мокрая кора, и что-то сладкое, очень древнее — старше любого дерева, старше самой тверди. Я вдохнула, и за ухом отозвался Шелест — тихо, тёплым толчком, полным радости. Он потянулся вперёд, к свету, опережая моё осознание происходящего. Узнавание. Даже здесь, даже так.

Фигура вошла в свет сбоку — шагом того, кто всё это время стоял за тончайшей из возможных дверей и наконец решился её толкнуть. Высокая. Лицо — скорее намёк, чем данность. Черты держались, но свет проходил сквозь них так, как проходит сквозь тончайший фарфор, обожжённый до прозрачности.

Двигалась так, будто пространство здесь имело собственную, более дорогую вязкость — гуще нашей, медленнее, ценнее.

Остановилась рядом, по эту же сторону преграды — будто стояла здесь всегда, дожидаясь часа, когда я замечу. Смотрела туда же, куда смотрела я, — на застывшие звёзды за мембраной, деля со мной этот единственный взгляд. Долго молчала. Так долго, что я успела пересчитать стук обоих сердец — раз, другой, третий, — прежде чем пришли слова.

Голос пришёл, минуя воздух и слух, прямо туда, где мысли обычно рождаются уже одетыми в форму.

— Ты уже начала.

Вопрос «что» замер на губах — ответ опередил его. Где-то ниже разума началось движение: медленное, как оттаивает земля — изнутри, в глубине, снаружи ещё скованной, удерживающей твёрдость. Что-то, лежавшее там давно, упакованное и до странности терпеливое, шевельнулось впервые за весь мой счёт лет.

— Кто ты? — спросила я. Голос вышел странным — слишком весомым для воздуха, выбиравшего в эту секунду свою плотность.

— Имя. — Свет сквозь черты дрогнул, как дрожит вода от далёкого удара грома. — Имя — последнее, что носят. Я сложила своё задолго до того, как Дома научились делить общий сад на двенадцать частей.

Двенадцать частей. Цифру эту я знала, как знают возраст собственного тела — вросшей, само собой разумеющейся. Из её голоса цифра прозвучала иначе: вещью, которую сама произносящая когда-то держала в руках цельной, прежде первого раскола.

Что-то в груди — оба сердца разом — толкнулось вверх, к горлу: дальний родственник страха, тяжёлое предчувствие веса, готового лечь на плечи и остаться там навсегда.

— Больно будет? — спросила я. Вслух, кажется. Голос — мой, узнаваемый, и в то же время чужой: слишком настоя-

щий для места, где всё прочее держалось на грани прозрачности.

Свет сквозь лицо потеплел — на одно мгновение, став почти усмешкой.

— Уже было, — сказала она. — Ты звала это иначе тогда. Раной, что оставалась открытой месяцами наперекор любому лечению. Лихорадкой в шестнадцать лет, чья причина осталась тайной для всех, кто её искал. Утром, когда твои сердца впервые потекли ровно, а ты назвала это просто взрослением.

Память о ране стёрлась давно — осталось лишь ощущение шрама там, где руки помнили боль раньше, чем разум помнил причину. Лихорадка пряталась в детстве смутным пятном, температурой и потом — лицо забылось, дата стёрлась.

— Зачем сейчас? — спросила я. — Посреди этой пустоты, в часе пути от земли, что годами готовится именно к подобным вещам?

— Тиар умеет ждать. Этому он обучен лучше любого из живущих. — Пауза, в которой свет вокруг неё качнулся, как качается пламя от чужого дыхания. — Скорость сейчас держит другая рука. На другом краю этой же тьмы кто-то держит вторую половину узла — и узел вяжется одновременно, оба конца разом, готовый затянуться в монолит.

Узел. Я хотела спросить чей, спросить с кем, спросить — откуда ей знать про чужие узлы на чужих краях тьмы. Слова занимали меня, оставаясь внутри, так и не завершив путь до

губ: фигура уже подняла руку, и вопросы повторили судьбу всех прежних мыслей — оказались услышанными раньше, чем произнесёнными, и оттого уже отжили своё.

Раскрытая ладонь. Пустая — и всё-таки полная: в центре жил жар, рождённый изнутри плоти — поднимавшийся от точки, скрытой для обычного глаза.

— Возьми, — сказала она. Голос — снова изнутри, прямо в кость.

— Что это? — спросила я, хотя ладонь моя уже тянулась навстречу — сама, опережая всякое разрешение.

— То, что всегда было твоим, — сказала она. — Спрятанное так глубоко, что даже Дом твоего рождения принял пустоту за форму. Спрятанное до срока, что наступает именно сейчас.

Пальцы коснулись её ладони — и тело узнало истину раньше мысли. Тепло прошло вверх по руке: через запястье, локоть, плечо, к основанию шеи — туда, где у Миры годами живёт её спутник, а у меня всегда стояла пустота, которую я давно перестала замечать, как перестают замечать старый шрам. Тонко, быстро — как первая нить проходит сквозь только что вдетую иглу, туда и сразу же насквозь, оставляя след — и ощущение, что пустота только что вспомнила, для чего она была пустой.

Ладонь Древней сомкнулась вокруг моих пальцев — на секунду, крепко, тепло, тем особым образом, каким держат ребёнка за миг до того, как разжать руку и довериться его

собственными ногам.

И разжала.

Я открыла рот — вопрос, копившийся всё это время, наконец нашёл дорогу к губам: «Кто на другом краю?»

Но щелчок пришёл первым. Свет собрался внутрь себя одним движением — память о собственных границах вернулась к преграде мгновенно, и преграда послушалась. Фигура — там, где она стояла секунду назад, — оставила только воздух, ставший вдруг обычным: холодноватым, чистым, годным лишь для дыхания.

Мой вопрос остался висеть в пространстве, из которого она ушла. Слова, у которых она унесла адрес.

Время дёрнулось и потекло дальше — обычное, торопливое, равнодушное. Пиала стукнула о поверхность пульта. Приводы вернули ритм. А у основания шеи — там, где всегда стояла пустота, — грелось что-то живое. Маленькое. Своё.

Я держала руку на поручне — миг, когда пальцы сомкнулись на металле, растворился в глубинах памяти, — и чувствовала, как оба сердца, физическое и резонансное, бьют в собственных, сталкивающихся ритмах, каждое в своём такте — два существа, заново собирающие общий шаг.

Пиала на пульте стояла ледяной — той стылостью, что приходит только спустя часы абсолютного забвения. Я бросила взгляд на хронометр. Цифры держались ровно там же, где я их оставила. Снаружи время сохранило каждую секунду в целости. Внутри — я успела прожить завершённую

жизнь, и тело теперь примерялось к прежней форме, как к одежде, что вдруг сделалась тесной.

У основания шеи — там, где ещё час назад царило привычное молчание, — новый живой узел прислушивался к миру. Тихо. Осторожно. Уже решивший остаться.

Несколько минут я простояла так — одной ладонью на поручне, другой у основания шеи, проверяя весомость всего, что во мне произошло. Потом пошла в машинное. Мелкая дрожь жила в руках всю дорогу — поднималась от пальцев к запястьям, и я заметила её только на середине пути.

Тал лежал под левым приводом — ноги наружу, его привычная позиция во время прямого разговора с «Сирокко» там, куда добраться можно исключительно ползком.

— Тал.

Движение приводов замерло. Потом он выкатился — с той особой, размеренной основательностью, что у него всегда означает полную фокусировку внимания. Взгляд — зелёно-карий, с текстурой коры на свету — прошёлся по моему лицу точно так, как смотрят на конструкцию в поисках усталого шва, нашёл дрожь в пальцах и зафиксировал её на лишнюю секунду.

— Говори, — сказал он.

— Время встало. Само. Надолго.

Пауза. Он поднялся, вытер руки о комбинезон — медленно, удерживая взгляд на мне.

— Сколько?

— Долго. Сверх моей личной меры.

— Тело?

— Чистое. Вот в этом вся суть. Я знаю свои пределы до капли: пять секунд — и тело валится с ног, выжатое полностью. Сейчас — ровно та же плотность, что была утром. Сдвиг во времени сохранил меня прежней, целой и полной сил.

Ладонь Тала так и осталась на полпути к комбинезону — на удар сердца дольше, чем требует обычный жест.

— Шелест? — спросил он.

— Пульсировал. Спокойно. Будто давно ждал этого момента и наконец принял этот резонанс.

Ещё пауза. Он посмотрел на собственное левое плечо — туда, где под плотной тканью жил его напарник, — и передал ему мысленный запрос. Потом вернул взгляд ко мне.

— Тело — твоё, — сказал он наконец, чеканя слова как факты. — Однако воля внутри него сейчас гостя. Шелест принял её тишиной — для него это само по себе согласие. Доверяю этому ответу больше любых догадок.

Помолчал, слушая гул машинных систем.

— Сохраняй присутствие на посту, — сказал он. — Поднимусь в рубку, как только «Сирокко» завершит цикл калибровки.

Я кивнула — слова в этот раз уступили место простому согласию — и вернулась к пульту.

«Сирокко» выходил из прыжка мягко — живые приводы

знали этот переход наизусть, сохраняя глубокую тишину в ушах. Пространство вокруг корпуса меняло характер постепенно: густело, наливалось ароматом, который у звёздного ветра появляется только на самом выходе из свёртки.

Тиар разворачивался в мембране обзора размеренно, точно лист, который наконец решился покинуть почку.

Планета несла особую темноту, живую, ту самую, что бывает у леса ночью, когда лес слушает каждым корнем. Атмосфера выбрала цвет между индиго и оттенком, что ждал своего имени в имперском спектре. Поверхность тонула в сумерках. Орбита — в молчании. Только ровный тихий пульс, который я почуяла через Шелеста раньше, чем тело «Сирокко» нашло для него слова на собственной приборной коже.

— Живая, — сказала Мира за спиной. Она умеет приходить тихо — два года изолятора вырастили в ней тишину глубже любой привычки. — Очень.

— Слышишь что-нибудь? — спросила я.

Она держала паузу. Существо у основания её горла пульсировало чуть теплее обычного, волной гоня звук.

— Время, — сказала она наконец. — Здесь оно имеет другую плотность. Особую тяжесть.

Я кивнула. Мира произнесла это ровно, как называют погоду.

Тал вошёл со стороны машинного. Глянул на планету. Потом на меня — коротко, как сверяют показание прибора с памятью.

— Швы держат, — сказал он, чеканя шаг речи. — Геометрия здесь другая. Пространство сшито иначе — старше. Первым стежком.

— Первым, — повторила я. Слово легло в грудь буквально — всем весом, и осталось там.

Вакс стоял у бокового просвета — там, где обшивка «Сирокко» истончается до живой плёнки с органическим преломлением света. Стоял давно, сохраняя монолитную позу: плечи опущены, руки сложены за спиной, запястья открытые, чистые. Он всё ещё учился доверять этой свободе: я видела это каждый раз, когда его взгляд случайно падал на собственные руки.

Сейчас смотрел на Тиар. Я остановилась рядом. Молча. Он покосился — коротко, по-деловому — и вернул взгляд планете.

— Там внизу что-то тянет структуру иначе, — сказал он наконец. — Гравитационные линии — старые. Будто их укладывали вручную, одну за одной.

— Хранители Времени, — сказала я.

— Знаю кто, — оборвал он. Пауза. — Просто вижу такое впервые. Архитекторы Сияющих строят на тысячи лет вперёд. Здесь строили на тысячи лет назад.

Он замолчал. Я рассматривала его профиль — тяжёлый, с аугментациями вдоль скулы, с глазами, что давно научились читать силовые линии там, где прочие видят только камень. Человек, которого Сияющие держали на цепи за уме-

ние слышать живое в мёртвом материале.

— Вакс.

— М.

— Рада, что ты с нами.

Долгая пауза. Тиар медленно рос в боковой мембране.

— Посмотрим, — сказал он. Голос ровный. Руки за спиной разомкнулись сами — тело решило раньше разума — и опустились вдоль бёдер. Это было больше, чем согласие.

Запрос на посадку я отправила через Шелеста. Ответ пришёл голым ощущением — только направление: тепло в одной точке пространства, как солнце сквозь закрытые веки. Я поймала это мгновение и проверила точность. Тело стояло уверенно — тем образом, каким держат руку на плече того, кто знает дорогу. Я доверилась и взяла курс.

«Сирокко» начал снижение. Атмосфера Тиара приняла корабль иначе, чем Иштар: мягко, почти обволакивающе, тёплой водой, обнявшей со всех сторон. Живые приводы выровнялись сразу, легко. Корабль успокоился — я чувствовала это через переборки: что-то, сжимавшее обшивку в напряжении с самого Иштара, наконец отпустило хватку.

Поверхность Тиара несла тёмный камень и нечто живое между ним — свечение изнутри, ровное, спокойное, как дыхание. Лес, если это слово годилось: деревья с голыми ветвями и корой цвета старой меди, каждое со своей частотой — отдельной, узнаваемой, тихой.

Мира шагнула ближе. Молчала. Потом — почти себе под

нос:

— Они все поют.

Я промолчала. Слушала сама.

Посадочная площадка нашлась прогалиной среди медных стволов — земля там другая, плотная, тёмно-бордовая, с запахом, для которого слова ещё предстояло найти. Запах тысячелетий. Старше любого имперского закона.

«Сирокко» сел. Тишина снаружи стояла настоящая, живая — та тишина, что бывает только там, где всё слушает.

Я открыла шлюз. Воздух Тиара хлынул первым — тёплый, плотный, с привкусом смолы и каузального жара. Я узнала этот вкус за секунду до того, как разум подобрал верное слово.

Дикий мёд. Настоящий теперь, снаружи, рождённый этой землёй и этими деревьями. Я стояла на пороге шлюза, и два вкуса сомкнулись в одной точке: тот, фантомный, поднимающийся над чабрецом в полёте, — и этот, здешний, плотный, живой. Начатое в глубинах складки добралось наконец до места, которое его дожидалось.

Шелест пустил тепло вдоль скулы — знакомое, полное чистой радости. Из-за медных деревьев проступили Хранители Времени. Их троица возникла плавно, сопрягаясь с ритмом самого пространства. Высокие, в тканях переменчивого цвета — покровы меняли оттенок с каждым шагом, будто пропускали сквозь себя сразу несколько мгновений. Лица держали абсолютное спокойствие, запредельное для любых

категорий возраста: понятия старого и молодого давно отпали сами. На запястьях каждого темнели тонкие полосы кожи, ровные, как отметины самого времени.

Передний остановился в трёх шагах. Смотрел на меня. Долго.

Потом — с лёгким наклоном головы, тем тоном, каким говорят с тем, кого ждали веками и давно завершили счёт дням:

— Ты уже начала.

Те же слова. Голос другой — живой, наполненный дыханием, весомый, с лёгкой хрипотцой того, кто бережёт звуки для редких, исключительных случаев. Я посмотрела на него. Потом — на Миру, вышедшую следом и вставшую у моего плеча. Существо у её горла светилось ровно. Лицо сохраняло покой — удивление в этот миг осталось за границами её восприятия.

— Знаю, — сказала я.

Впервые за весь путь — просто знаю. Хранитель кивнул — коротко, серьёзно. Развернулся и пошёл вглубь леса.

Мы двинулись следом, принимая этот общий шаг всей командой.

Глава 7

Зал первого касания

Живая Нить удерживала осознанность выше самого дна.

Обычно складка сна работала чисто: «Проксима» впрыскивала фиксатор в капилляры — тягучий, тёплый — нервная система гасла по очереди, сначала периферия, потом глубина, и когда угасало последнее чувство, привычный счёт секунд останавливался. Восемнадцать часов прыжка — провал вне отметки. Корабль нёс тело в статичном контуре, на выходе память возвращалась раньше ощущений.

Перед прыжком я перенёс Реликвию из тактического контейнера в хроно-термический бокс — куб из матовой косяной плазмы, держащий её частоту в абсолютной статике. Бокс принял Семя с тихим молекулярным щелчком, опознав мой температурный ключ. «Проксима» выравнивала дыхание сразу — облегчение через контур, едва уловимое.

Потом я лёг в капсулу. Сейчас — иначе.

Фиксатор в венах был правильным. «Проксима» забирала у меня периферию слой за слоем: руки, плечи, давление в стопах, шум воздуха в ушах. Всё шло по протоколу. В тот момент, когда сознание должно было уйти в глубину, Нить потянула его обратно. Тихо. Настойчиво. Тем особым образом, каким она принимает самостоятельные решения. Живой костюм удерживал меня в промежутке: тело покоилось в

складке глубокого сна, разум бодрствовал на самом пороге.

Меркаба в живом кармане над левым ребром держала ровное тепло. Через переборки грузового отсека шло глухое давление хроно-термического бокса — молчание запечатанного присутствия. Три элемента в одном контуре: костюм, носитель, груз за переборкой. Система вела себя единым существом сквозь металл и органику. Это наблюдение я занёс в рабочую память для последующего анализа.

Глубина пришла сбоку — как дверь, открывающаяся в монолитной стене.

Золотой Песок держал тепло под стопами.

Тело узнало это место раньше зрения — гравитация, запах, давление снизу через подошвы. Граница. Уступ между каменистым плато и нижними лесами Оракула, где Живой Источник ближе всего к поверхности и ткань пространства истончается до той черты, за которой внутреннее и внешнее теряют жёсткое разделение.

Небо держало три цвета слоями. Золотой у горизонта. Синий в зените. Третий — между ними. Свет шёл из самого воздуха: тени растворялись в нём, исток его терялся в пространстве, ровное золотое давление шло сверху и снизу одновременно.

Двенадцать фигур по кругу.

Я помнил эту ночь — семь лет назад, в семнадцать. Золотой Песок сохранял в себе тепло тысяч предыдущих: каждое Посвящение, каждый маг Клана, стоявший на этом ме-

сте, оставлял след в живой памяти породы. Тепло шло снизу в голени и выше, медленное, постоянное.

Двенадцать Высших по кругу держали натяжение двенадцати Домов в своих ладонях — каждый через резонанс собственного симбионта, каждый как живой узел на нити, что тянулась к одному конкретному Дому и транслировала его состояние сквозь пальцы.

Ту ночь я знал. Только теперь структура изменилась.

Сквозь стены капсулы, сквозь переборки корабля, сквозь глухую статику бокса — Семя утверждало своё присутствие. Запечатанное, заблокированное, изолированное от рабочих каналов. Давило на позвоночник — сквозь все блоки, превосходя любой физический вес. Семь лет назад контейнер оставался пустым. Сейчас бокс в грузовом отсеке был полон. И это различие добиралось до сознания сквозь металл и органику, как добирается тепло угля сквозь слои плотной ткани.

Крайний слева. Тот, что всегда удерживал молчание. В ту ночь он сжимал моё запястье дольше всех — вопреки ритму протокола. Просто держал. Я тогда списал это на индивидуальную технику передачи. Сейчас смотрел на его руку у своего запястья и понимал точнее: он держал, чтобы услышать. Искал отклик, который ещё только складывался. Нашёл ли — ответ лежал в том же слое, что и привкус дикого мёда той последней ночи на Оракуле.

Живые Нити двенадцати Высших пульсировали в общем

ритме — медленно, согласованно, как дыхание одного существа. Мои стопы помнили этот ритм в камне. Пятнадцать тысяч лет Клана лежали в этом песке. Я стоял в центре этого времени и впервые ощущал его вес своим.

Семя за переборками потяжелело. Медленно, нарастая — дорога от Иштара давала ему то, что архив держал в блоке. Статика хроно-термического бокса фиксировала его частоту — но вес, каузальный вес Семени, блокировке поддавался слабо. Двенадцать Высших на Границе ощутили это разом. По кругу прошла волна — лёгкая, от фигуры к фигуре, как ветер по пшенице за секунду до грозы. Они держали натяжение двенадцати Домов в своих ладонях. И теперь через это натяжение проходило что-то другое — то самое явление, ради которого они удерживали позиции много лет.

Биорезонатор вспыхнул. Перегруз — острый, мгновенный. Живая Нить уплотнилась вдоль левого бока: первичный сенсор опередил любой ментальный канал на семьдесят миллисекунд. В следующую секунду в поле медитации вошла чужая частота. Тёплая. Органическая. Доринийская. Та самая.

Восемь секунд из Сектора Представительств, журнальная строка — «аномалия» — и мысль, которая возвращалась к одному месту весь путь после. Частота симбионта Лиры. Доринийское существо, живущее за её ушной раковиной — тёплое, живое, с глубоким обертоном Безмолвных Певцов. Мой Биорезонатор ответил в ту же долю секунды, что и то-

гда, в Секторе. Только сейчас — шире. Глубже. Касание сменилось полным, осязаемым контактом.

Она двигалась. Далеко — на другом краю галактической тьмы. Её движение создавало импульсы, которые я считывал через Нить так же ясно, как считываю давление трёх военных бортов через переборки корабля: направление, скорость, характер. Тепло на расстоянии ладони — плотность воздуха, изменившаяся в сторону живого.

Узел вяжется одновременно с обоих концов.

Эта мысль пришла из того же места, где в ночь Посвящения моё имя прозвучало изнутри. Биорезонатор давал данные: частота, температура, направление. Нить давала скрытую суть. Что именно — я держал как открытый вопрос, который пока закрывать следовало поостеречься.

У основания шеи появилась капля тепла. Тихая. Точечная. Живая — именно живая, исключая температурный артефакт перегрузки. Что-то маленькое, чьё присутствие ощущалось как укол тепла, объём ещё только складывался. Живая Нить отозвалась мгновенно — тихим, глубоким узнаванием. Костюм принял это присутствие как живое узнавание своей части. Пятнадцать тысяч лет матрицы Древних — и реакция, ждавшая этого момента в своих слоях, сработала безупречно.

Сквозь глушь хроно-термического бокса, сквозь переборки и живую органику «Проксимы» — Семя рванулось. Оно потянулось в двух направлениях разом: к Оракулу, чья гра-

витация уже тянула корпус корабля из прыжка, и к тому, что держало тёплую частоту на дальнем краю. Два конца одного узла. Семя знало их оба.

Двенадцать фигур по кругу держали натяжение. Крайний слева сжимал моё запястье. Во рту — привкус дикого мёда. Плотный. Тягучий. Нагретый воск и лес после дождя. Биологическая память тела, которую Нить хранила в своих слоях и возвращала в момент резонанса — теперь она пришла полностью, как запах дома за миг до порога.

Щелчок. «Проксима» вывела меня из складки сна досрочно — давлением за ухом, острой и требовательной.

Выходил из капсулы с инеем на пальцах.

Меркаба в кармане Нити держала ровное тепло. Навигационный стол держал её след — прямоугольный отпечаток инея: живое дерево поймало частоту носителя ещё в прыжке. Провёл по нему ладонью: температура на три градуса ниже окружающей. Живёт.

Прошёл в грузовой отсек. Хроно-термический бокс стоял точно в центре палубы — монументально. Матовая костяная плазма держала внутреннюю частоту груза в абсолютной статике. Я положил ладонь на крышку и передал температурный ключ. Молекулярное натяжение куба ослабло в ответ — опознало. Убрал руку. Статика держалась сама, фиксируя покой.

Семя там. Удерживает тишину. Запечатано. Раньше это молчание было данностью. Сейчас — первый раз за все неде-

ли — оно ощущалось как осознанный выбор. Как структура, что держит форму, пока форма нужна, и готова её отпустить в точно назначенный момент.

У основания шеи — маленький живой узел. Слушал мир через мои рецепторы. Осторожно. Методично. Тем способом, каким существо изучает новое тело в первые часы.

«Проксима» транслировала напряжение — то ровное давление за ухом, что означает завершение фоновых процессов прыжка. Прочитал состояние через контур: курс верный, приводы в норме, дистанция до Оракула — семь минут снижения. Она вывела меня заранее, требуя прямого визуального присутствия при входе в атмосферу. Понял.

Оракул появился в мембране обзора.

Сначала — как ощущение. Гравитация $1.3g$ тянет корпус плотнее, убедительнее, с тем устойчивым знанием, что здесь вещи имеют правильный вес.

Потом — три луны: две видимые сейчас, третья за горизонтом, определяемая лишь гравитационным ритмом в приводах — далёкий пульс через органическую стену корпуса.

Каменистое плато цвета меди отражало закатный свет. Кристаллические вкрапления в скале уже начинали работать — собирали оставшийся дневной свет, чтобы отдавать его часами после захода. С орбиты это выглядело как тихое ровное свечение: плато держало свет изнутри, медленно, бережно, сохраняя накопленное. Нижние леса отличались текстурой поверхности: плотные, тёмные у основания, золо-

тисто-зелёные у крон, с тонкой дымкой над переходной зоной, где геотермальные источники встречали холодный воздух плато.

«Проксима» вошла в атмосферу — и сразу расслабилась.

Я почувствовал это через контур: давление в ладонях, державшееся с первого часа над Иштаром, отпустило хватку. Корабль с Дорины вернулся в родную стихию — органическую, переменную, тёплую. Иштар давил снаружи, заставляя сжиматься. Оракул принимал. Живые слои обшивки распрямлялись при первом касании воздуха, как мышца после долгого сжатия.

Атмосфера входила в фильтры знакомым с детства концентратом Клана: нагретый кремёнь, тёплый камень, мокрая кора и дикий аромат Живого Источника. Нить хранила этот запах как химическую метку: свой.

Маленький живой узел у шеи потеплел. Первый вдох Оракула. Тело брало его в себя — и существо у основания шеи брало вместе с ним, изучая планету через мои рецепторы, через плотность гравитации под стопами. Вейн ждал.

Зал Первого Касания стоял на уступе плато там, где скала выходила ровной горизонтальной плитой над нижними лесами. Строение из живого камня удерживало вечерний свет мягко, рассеянно, транслируя накопленное за день тепло. Пол над нитями Живого Источника оставался ощутимо горячим у основания стен.

Я знал это помещение всем телом. Три года полевых зада-

ний, и каждое возвращение начиналось здесь. Камень помнил всех, кто на нём стоял — ощущение памяти стен давило физически с порога, накладываясь на тепло живого организма.

Вейн стоял у левого окна. Спина к свету. Собеседник оставался в освещённой зоне — сам Старейшина пребывал в тени. Это место было выбрано им давно, став частью его физиологии: тело привычно занимало скрытую позицию. Видит больше, чем виден сам.

Я остановился напротив. Голос шёл снизу — как тепло плато через подошвы:

— Рапорт.

Дал ему рапорт. Полный. Иштар. Гравитационный срыв. Три военных борта на орбите — маскировка под абсолютную пустоту. Архив Хранителей Памяти. Ликвидация Хранителей. Наёмники Изнанников взяли меркабу первыми. Я её забрал — пять бойцов, метод координации минует стандартные каналы, работают как единое поле. Страж Архива. Выход через шлюзовый отсек с осколком в плече. Прыжок к Оракулу.

Пауза.

— И то, что произошло в глубине прыжка, — добавил я.

Вейн сохранял молчание три удара сердца. Я просто коснулся основания шеи — там, где жило тёплое присутствие.

— Второй узел, — сказал он. Тихо. Данность, исключая вопросы.

— Пришёл в глубине. Через контакт с частотой, которую держу с Иштара. С Сектора Представительств.

— Она тоже получила своё. В тот же период.

Я остановился.

— Ты знал.

Пауза. Вейн убрал руки из-за спины. Медленно. Жест человека, принимающего давно известную структуру вероятностей.

— Я видел конфигурацию, — сказал он. — Явление, которое ещё только складывалось в систему. Два вектора с общей точкой. Кто именно Лира — это я знал задолго до Иштара. Кто именно для тебя — это выяснялось в точке встречи. Полевой маг с полным знанием о механике активации теряет вариативность движений, его шаги становятся предсказуемыми. Предсказуемость в поле — петля. Тебя я учил этому сам.

Я посмотрел на него.

— Учил меня, — сказал я.

— Дал тебе задание, — поправил Вейн. — Разница — в направлении.

Молчание. Живое дерево стола отозвалось низким, едва слышимым гулом — реакция на температуру меркабы, что держала иней вокруг себя с тем же постоянством, с каким каменная порода сохраняет форму веками.

— Расскажи мне про Соль, — потребовал я. — Всё.

Вейн посмотрел на меркабу. Иней, распространившийся

по краям поверхности тонкими нитями, держал форму — носитель в ледяном следе.

— Полтора тысячелетия назад — в масштабах Клана это недавно — Дома обнаружили ресурс, — сказал Вейн. — В масштабах Домов это настолько давно, что прежний мир превратился в легенду. Соляные войны, передел альянсов — это знает любой. Я расскажу то, что знаю только через Нить и сквозь строки пророчества.

Он отошёл от окна. Прошёл к столу — встал рядом с меркабой, сопрягаясь с вещами, умеющими слушать.

— Древние ушли за Предел через точку максимального материального уплотнения вселенной. Планета Танаис. Их уход был каузальным взрывом такой силы, что реальность в точке перехода схлопнулась в монолит. Застывший след. Мёртвый остаток огромного живого процесса. Камень — и одновременно инструмент. Потому что он разрывает пространство там, где живая навигация скользит по швам.

Пальцы Вейна прошли над меркабой. Иней под ними чуть уплотнился.

— Анизотропная Соль ломает пространство. Грубо. Прямо. С полным игнорированием живой ткани, по которой идёт разлом. Это быстро, масштабируемо, применимо через протокол и расчёт — личное присутствие становится лишним, достаточно цифры и команды. Именно это и нужно Домам, которые строят флот из людей, утративших умение чувствовать. — Пауза. — Дорина устояла. Хранители Времени

устояли. Мы устояли — потому что Нить физически отторжима от Соли: живая ткань горит при контакте с её полем. Буквально.

— Цена, — сказал я.

— Шрам, — сказал Вейн. — Каждый разлом оставляет след в каузальной ткани. Мы расплетали эти следы тысячи лет — ещё до Соли, когда Дома создавали их другими методами. После Соли — инструментов меньше, следов больше. Шрамов больше, чем рук.

Давление за ухом — «Проксима» слышала мой пульс через остаточный контур. Фоновый сигнал. Она ждала.

— Сияющие знают об этом.

— Сияющие стали кристаллом, — сказал Вейн. — Переход от органики к кристаллической фиксации — выбор, принятый как путь прогресса. Там, где должна пульсировать живая ткань, у них кристаллический процессор. В восприятии Расплетающего — мёртвый ноль. Их тело принимает разлом, движется дальше. Им безразличен контраст между живым и выгоревшим, потому что выгоревшее для них — норма. Они принимают это. И называют ценой прогресса.

— Изнанники, — сказал я.

Вейн взял паузу. Долгую — ту самую, которая говорит больше, чем слова.

— Каузальный взрыв на Танаис создал Соль. И создал тень от ухода. — Голос ровный. Факт. — Изнанники возникли в момент, когда Древние ушли за Предел — как тень, ко-

торуую отбрасывает любое движение через свет. Структура, застрявшая в шве между бытием и иным состоянием ткани. Они видят изнанку свершившегося. Работают через чужие катастрофы — сами их избегают, только используют. Иштар — их возможность. Три борта на орбите — их инструмент. Наёмники в архиве работали на них.

— Архив был целью.

— Документальное имперское свидетельство Раскола хранилось там в единственном экземпляре. Живая суть — в меркабе. Им нужно уничтожить её, потому что активация Семени — конец их охоты. — Вейн поднял взгляд, посмотрел на меня прямо. — Пробуждение двенадцати Домов. Восстановление Живого Присутствия в каузальной ткани. Соль превращается в обычный мёртвый камень. Сияющие теряют монополию. Изнанники теряют само условие своего существования — потому что при живой ткани шов между мирами закрывается навсегда.

— Пророчество, — сказал я.

Долгая пауза. Вейн держал её как инструмент.

— Один из тени клинка. Другой из молчания между мирами, — сказал он тихо. — Двенадцать вспомнят то, что сдали за Соль.

Я держал эти слова. Разбирал их через систему, а не через образ. Клинок — инструмент работы, тень клинка — то, что остаётся после. Молчание между мирами — промежуток, место, где живёт то, что ждёт своего часа. Двое из раз-

ных промежутков. Разные стороны одного разлома.

— Требуется двоих.

— Да.

— Одного — достаточно для охраны. Двоих — для активации. Ты послал меня на Иштар с Семенем — туда, где была она.

Вейн убрал руку со стола. Встал прямо. В его позиции — та завершённость, что бывает у человека, давно принявшего ответственность и сейчас впервые произносящего это вслух.

— Я послал тебя за записью. Это правда целиком. — Голос ровный. — Остальное система складывала сама. Я видел её конфигурацию и дал тебе задание.

Молчание. Живое дерево стола отозвалось низким, едва слышимым гулом — реакция на температуру меркабы, что держала иней вокруг себя с тем же постоянством, с каким каменная порода сохраняет форму веками.

— Где она сейчас, — спросил я.

— Тиар. Система Хранителей Времени. Получила своё в глубине прыжка — от Иштара к Тиар. Раньше тебя на несколько часов.

— Три борта Изнанников потеряли меня в прыжке, — сказал я. — Придут за меркабой.

— Придут, — согласился Вейн. — И придут за ней — вторая половина у неё. Раздельно — охрана. Вместе — активация. Изнанники понимают это точнее, чем ты думаешь.

Я взял меркабу со стола. Иней отлепился от граней с ти-

хим звуком — как лёд от металла в тёплую погоду. Нить приняла её мгновенно.

— «Проксима» в доке.

— Прогревает приводы. С того момента, как ты вошёл сюда. — Пауза — последняя, у порога. — Эйрен. Семя реагирует на двоих, потому что двое — один организм, разделённый для созревания. Правильное разделение — условие, а встреча — результат. Ты нёс своё верно. Скорость теперь держит другая сила, и у неё другой горизонт, чем у Клана.

Я вышел.

Оракул сохранял вечер в состоянии перехода — тот час, когда кристаллические вкрапления в скале начинают светиться, отдавая дневное тепло.

Плато тлело под ногами — ровно, тихо.

Я шёл к доку, чеканя шаг.

Гравитация 1.3g. Каждый шаг убедительный. Нить выравнивала нагрузку на суставы — ровно, привычно, тем способом, каким она держала меня три года в десятках разных систем. Маленький живой узел у шеи слушал планету через мои подошвы, через запах воздуха, через давление гравитации снизу. Учился. Принимал.

Три луны над горизонтом. Две видимые, третья только как ритм в приводах — далёкий пульс через скальный массив, через нити Живого Источника, через тысячелетия одного и того же дыхания.

Пятнадцать тысяч лет Клана держали этот уступ.

Я шёл и думал об архиве. О хранителе, лежавшем у входа с рукой, вытянутой к стеллажам — старый, с тысячей чужих жизней у виска, он стоял там до конца. Думал о пяти мёртвых наёмниках в зале и об их координации, работавшей через пустой канал. Думал о меркабе, которую Нить приняла как родную — мгновенно, тем узнаванием, которое старше любой задачи. Думал о глубине прыжка и о том, что случилось внутри него.

Про Лиру я думал последним. Это было правилом. Сначала данные, потом их источники.

Данные: она на Тиаре. У неё вторая половина того, что я несу. Изнанники знают о ней. Три борта потеряли меня в прыжке и теперь восстанавливают след.

Источники: одно касание в Секторе Представительств, восемь секунд, запись в журнале. И то, что пришло в глубине — что осталось у основания шеи живой каплей тепла. Это данные другого порядка, и для них у меня пока нашлось только физическое описание.

Этого достаточно для курса.

«Проксима» стояла в доке с прогретыми приводами.

Контур принял меня раньше, чем я закрыл шлюз — тихим давлением за ухом, тёплым, правильным. Корабль удерживал тревогу последние часы в собственном ритме. Когда я взошёл на борт, выровнялся мгновенно — один глубокий выдох по всей длине органического корпуса.

Лёг в навигационное кресло. Контур принял тело слой за

слоем.

Меркаба из кармана Нити — на навигационный стол. Поверхность покрылась инеем быстро: реакция живого дерева на носитель с другой природой. Провёл пальцем по насечке на грани. Ждал.

Отклик пришёл через три секунды. Тихий. Направленный. Минуя образы и слова — чистое ощущение ориентации, как компасная стрелка в живой ткани носителя. Указывала точно туда, куда я уже держал курс. Маленький узел у шеи потеплел — тихо, согласно. Существо ещё только учило мир, но это направление узнало сразу. Оно его знало всегда.

Убрал меркабу в карман.

— Тиар, — сказал я вслух.

Контур «Проксимы» принял координату.

Пауза — те полсекунды, когда ожидаешь одно и получаешь другое. Я ожидал рефлекторного блока. Корабли с Дорины рождены классифицировать любой контакт с реальностью — и Семя с его частотой всегда оставалось за пределами всех классификаций, слепым пятном такой величины, что блок срабатывал рефлекторно, исключая расчёт. Три года этот рефлекс шёл фоном к каждому прыжку.

Сейчас — «Проксима» просто приняла. Ровно. Мгновенно. Как принимают координату знакомой точки.

Я занёс это в рабочий журнал открытой строкой. Первой за три года, для которой нашлось только физическое описание: «Проксима» отбросила страх перед точкой нашего на-

значения. Разница между «куда идём» и «что несём» — отдельный вопрос. Пока открытый.

Двигательный блок включился. Тридцать две секунды протокола запуска — сократил до двадцати трёх. Посадочный уступ открылся. «Проксима» пошла по спирали вверх через атмосферу.

Оракул уходил вниз.

Я смотрел на него через мембрану обзора ровно столько, сколько нужно. Каменистое плато с кристаллическим свечением. Переходная зона с туманом. Нижние леса, тёмные у основания и золотистые у крон. Три луны. Живой Источник в глубине — огромный, медленный, очень старый. Пятнадцать тысяч лет матрицы Древних, пронизывающей скальный массив органическими нитями на сотни километров.

Зал Первого Касания на уступе — тёмный прямоугольник в вечернем свете. Вейн, вероятно, всё ещё стоял у левого окна.

Свёртка открылась.

Контур «Проксимы» принял её первым — давление в ушах, короткая тишина, потом тот особый способ, каким живой корабль входит в свёртку: плавно, с ощущением, что пространство принимает тело, а тело принимает пространство, и между ними — только дыхание. Нить уплотнилась вдоль позвоночника привычно, держа давление ровным.

Меркаба в кармане. Тёплая. Ровная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.